

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет

ЗАЩИТА ПРАВ И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

факультетские Научные чтения
им. профессора Р.Е. Гукасяна

Выпуск II

ТВЕРЬ 2021

УДК 347(082)
ББК Х410.1я43
З 40

Ответственный за сборник:

Н.А. Антонова – доктор юридических наук,
заведующая кафедрой конституционного,
административного и таможенного права
Тверского государственного университета Н. А. Антонова

З 40 Защита прав и охраняемых законом интересов граждан:
факультетские Научные чтения им. профессора Р.Е. Гукасяна. Выпуск II. –
Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2021. –
106 с.

В сборник вошли научные статьи участников Научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан» (октябрь 2021 г.).

В статьях, вошедших в сборник, исследуются вопросы защиты прав и охраняемых законов интересов в различных сферах. Сборник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей юридических специальностей, а также специалистов практиков, занимающихся проблемами защиты прав и охраняемых законом интересов граждан.

Сборник рекомендован к опубликованию заседанием кафедры конституционного, административного и таможенного права от 17 ноября 2021 г. (протокол № 4).

УДК 347(082)
ББК Х410.1я43

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	4
<i>Алешукина С.А.</i>	
Запрет на рассмотрение споров в иностранном суде и (или) арбитраже как ответ на санкционную политику.....	6
<i>Антонова Н.А.</i>	
Система публичной власти: функционирование во благо граждан	12
<i>Абдуллаев К.А.</i>	
Защита прав и интересов физического лица, признанного банкротом	18
<i>Васильчук Ю.В.</i>	
Обеспечение баланса публичных и частных интересов в земельном праве	26
<i>Гайдашов А.В., Толстова И.А.</i>	
О некоторых вопросах возмещения морального вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, следствия, прокуратуры и суда	34
<i>Жукова О.В.</i>	
Право на обращение в суд кассационной инстанции: некоторые вопросы теории и практики.....	40
<i>Ильина О.Ю.</i>	
О сложносочиненном и многоподчиненном конфликте интересов в спорах о детях при расторжении брака.....	48
<i>Крусс И.А.</i>	
Правовое регулирование международной подсудности в законодательстве Российской Федерации.....	55
<i>Левушкин А.Н.</i>	
Конфликт прав и интересов при совершении сделок с акциями.....	58
<i>Рязанова Е.А.</i>	
Право человека на распоряжение своим телом после смерти.....	63
<i>Смирнов С.Н.</i>	
К вопросу о развитии системы поддержки талантов молодежи Тверской области на юридическом факультете Тверского государственного университета (1999 – 2021 гг.).....	68
<i>Сухарев А.Н., Карасёва Л.А.</i>	
О необходимости и проблемах правового регулирования использования передовых финансовых технологий в Российской Федерации.....	72
<i>Уткин В.В.</i>	
К вопросу об определении налоговых обязательств при искусственном дроблении бизнеса.....	79
<i>Федина А.С.</i>	
Утрата исполнительского иммунитета единственного жилья.....	84
<i>Харитошкин В. В.</i>	
О праве на свободу совести и влиянии религии на исправление осужденных.....	94
<i>Юстус О.И.</i>	
Роль института социального казначейства в обеспечении социальных прав граждан.....	100

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Наука гражданского процессуального права гордится многими замечательными именами. Во многом тот гражданский процесс, который обеспечивает сегодня защиту прав, основан на исследованиях ученых XX века. Идеи того времени составляют фундамент, обеспечивающий развитие научной мысли уже нескольких поколений ученых, и этот процесс продолжает развиваться.

Вероятно, можно составить своеобразное «генеалогическое дерево» для каждого ученого, где будут представлены не только его непосредственные ученики, но и все те, для которых его идеи послужили основой для научного поиска.

Для юридического факультета Тверского государственного университета таким родоначальником научной мысли является Гукасян Рафаэль Егишевич. Его научные идеи, конечно, живут и развиваются не только в Твери, они важны для всех представителей цивилистической науки в целом, но сам факультет как научное сообщество состоялся благодаря ему.

Сегодня исследование интереса как важнейшей правовой категории является совершенно обычным, более того, это один из главных критериев при решении самых различных вопросов и важнейший объект судебной защиты по многим делам. Но пятьдесят лет назад исследование проблемы интереса в гражданском процессе было в прямом смысле научным открытием. Рафаэль Егишевич рассмотрел через призму интереса все наиболее важные вопросы гражданского процесса.

Прежде всего так было показано значение и содержание основных принципов гражданского процесса. Принцип диспозитивности, являющийся основным для гражданского процесса, но так и не имеющий четкого нормативного закрепления, был раскрыт с позиций интереса. Сегодня в административном судопроизводстве закреплен принцип активности суда, но положения, характеризующие принцип активной помощи в защите права, в полной мере соответствуют ему.

Интерес как предмет судебной защиты, исследованный Р.Е. Гукасяном, имеет особое значение при рассмотрении дел, возникающих из семейных правоотношений, поскольку признается приоритет защиты интересов ребенка.

Определение состава и характера лиц, участвующих в деле, исходя из характера их заинтересованности, остается неизменным. И ряд проблем в этой связи, выделенных еще в те далекие годы, к сожалению, так и не находит полного решения. Это, например, относится к участию прокурора, различиям в его положении, когда он обращается в суд за защитой прав конкретного лица или непосредственно в государственных или общественных интересах. Вероятно, это тоже имеет свою положительную сторону, нам есть еще о чем размышлять и вносить предложения по совершенствованию законодательства.

Значительное место в исследованиях Рафаэля Егишевича занимает проблема мирового соглашения, которая сейчас, через пять десятилетий, приобрела особую актуальность. И, развивая теорию и практику примирительных процедур, следует опираться на положения, которые были обоснованы в те далекие годы. В частности, о содержании мировых соглашений, не ограничивая его взаимными уступками.

Соотношение материального и процессуального явилось направлением научных исследований большинства процессуалистов при изучении особенностей рассмотрения отдельных категорий дел, что составляет тематику многих диссертационных исследований. Но еще не в полной мере действующее процессуальное законодательство отражает этот аспект. Можно утверждать, что это особенно применительно к делам, связанным с защитой прав и интересов детей.

Некоторые положения находят свое законодательное закрепление в наше время.

Так, Рафаэль Егишевич писал и о неразрывной связи подведомственности и подсудности, вот, по сути, это слияние и произошло, теперь в гражданском процессе есть только категория подсудности. И таких выводов, и положений еще очень много.

Идеи Р.Е. Гукасяна определенным образом воплотились в работах его учеников и продолжают развиваться в самых различных научных публикациях, о чем свидетельствует уровень цитирования.

Рафаэль Егишевич оставил не так много опубликованных трудов, а каждая строчка в них имеет значение. Но его идеи содержатся не только в публикациях, но и в тех отзывах на диссертации, когда Р.Е. Гукасян был официальным оппонентом или просто решал откликнуться на чей-то автореферат. К сожалению, эти идеи и мысли хранят только архивы, но те, для кого он писал, помнят и используют их.

Вклад Рафаэля Егишевича в науку определяется еще и тем, что он был примером честного служения науке и доброжелательного отношения как к единомышленникам, так и к оппонентам. Его идеи, как «опорные сигналы», которые помогают видеть проблемы, достойные научных исследований.

Данный сборник статей содержит новое и современное исследование тех проблем, которые волновали Рафаэля Егишевича Гукасяна.

Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук,
профессор, Л.В. Туманова

ЗАПРЕТ НА РАССМОТРЕНИЕ СПОРОВ В ИНОСТРАННОМ СУДЕ И (ИЛИ) АРБИТРАЖЕ КАК ОТВЕТ НА САНКЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ

С.А. Алешукина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация: В статье исследуются вопросы исключительной компетенции арбитражных судов в РФ по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, характер и назначение запрета на рассмотрение споров в иностранном суде, дается критический анализ ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ.

Ключевые слова: *исключительная компетенция, санкционная политика, антиисковый запрет, арбитражный суд, международный коммерческий арбитраж.*

Российская Федерация, являясь одной из самых могущественных стран мира, имеет большое влияние на политической арене, играет важную роль в формировании глобальной экономики, интернационализации хозяйственной жизни и функционировании мирового хозяйства. Вместе с тем бессмысленно отрицать наметавшуюся в последнее время где-то добровольную, где-то вынужденную изоляционную политику и отчужденность нашей страны на мировой арене. Обострившееся противостояние ведущих стран, недружественный климат, санкционная политика, неприкрытая враждебность требуют ответных мер от России, которые не медлят появиться. В частности, в ответ на ограничение экспортно-импортных потоков внедряется концепция импортозамещения, отсутствие нормального экономического сотрудничества со странами Запада обуславливают поиск партнеров на Юге и на Востоке, а введение ограничительных мер в отношении физических лиц и хозяйствующих субъектов, имеющих гражданство или национальную принадлежность РФ, порождает применение зеркальных санкций. Введением оперативных мер реагирования РФ не ограничивается, вследствие чего не остается в стороне и законодательство, дополняемое новыми институтами. Одной из таких новелл, введенных в июне 2020 года, явилась исключительная подсудность по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера [2]. Суть нововведения сводится к тому, что споры с участием подсанкционных лиц переносятся в отечественную юрисдикцию. Применение исключительной подсудности в отношении данных споров обеспечивается двумя способами:

- непосредственным обращением в арбитражный суд РФ за рассмотрением соответствующего спора;
- запретом на рассмотрение соответствующего спора в иностранном суде и (или) международном коммерческом арбитраже.

Содержание ст. 248.1 АПК РФ концептуально не продолжает тенденции исключительности, обозначенные в ст. 248 АПК РФ [1]. Классически прерогатива национального суда рассматривать какие-либо споры вытекает из характера таких споров, их публичности, значимости для государства

поднимаемых вопросов и касается недвижимости, государственных реестров, статуса юридических лиц и т.п. В обозначенной же ситуации речь идет не о предметной, а о субъектной арбитрабельности споров. Отнесение споров к компетенции арбитражных судов обусловлено исключительно участием в таких спорах лиц, в отношении которых применяются меры ограничительного характера иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза. Причем такая возможность предусмотрена как для лиц, подвергшихся прямому воздействию мер ограничительного характера, так их косвенному влиянию. Вместе с тем данная норма не проработана до конца, не имеет четких обозначенных границ применения и единообразного толкования. В частности, законодательно не установлено понятие мер ограничительного характера, их виды (санкции, реторсии, ограничения и т.п.), сфера их применения. В тексте статьи максимально широко обозначен субъектный состав лиц, применяющих ограничительные меры, от государств и их объединений до межгосударственных учреждений. Нет и явной обусловленности переноса спора в отечественную юрисдикцию в связи с невозможность реализовать право на судебную защиту в иностранном суде именно в контексте внесения участника спора в какие –либо санкционные списки, как это обозначено в ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ. В частности, законодатель говорит о возможности передачи в арбитражный суд РФ споров, в отношении которых заключены пророгационные и арбитражные соглашения, если они становятся неисполнимыми вследствие применения в отношении участника спора мер ограничительного характера, создающих препятствие в доступе к правосудию. Представляется, что влияние мер ограничительного характера на доступ к правосудию участника спора должно было прозвучать как одно из базовых условий замены юрисдикции, а не как основание признания соглашений неисполнимыми.

Кроме того, в тексте статьи изначально заложено логическое противоречие. С одной стороны, законодатель говорит об исключительной подсудности споров с участием подсанкционных лиц, с другой стороны, допускается наличие пророгационных и арбитражных соглашений, выводящих данные споры в юрисдикцию иностранных судов и арбитражей, если только такие соглашения не признаны арбитражным судом РФ неисполнимыми.

Но несмотря на несовершенство юридической техники статьи 248.1 АПК РФ, отсутствие четких условий применения, ее введение обусловлено желанием законодателя защитить хозяйствующих субъектов РФ от неправоудного решения иностранного суда, предвзятого судебного процесса и ограничения права на доступ к правосудию за рубежом. Как следствие, новелла процессуального законодательства позитивна и имеет право и достаточные основания на существование в свете недружественных действий других государств.

Намного больше вопросов теоретического и практического плана вызывает запрет инициировать или продолжать разбирательство по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, в суде иностранного государства и (или) международном коммерческом арбитраже, находящемся за пределами РФ (далее – антиисковый запрет). Антиисковые меры уже давно вошли в практику международного гражданского процесса и используются судебными органами других государств либо как обычный (Англия) либо как экстраординарный (Европа) механизм. Причем подвергаются воздействию антиисковых мер участники процесса вне зависимости от их национальной принадлежности РФ, США, Англии или Германии. Как следствие, в отечественной процессуальной науке и практике вопрос внедрения антиисковых запретов не является новым [7]. Имея как своих сторонников, обосновывающих возможность и правомерность применения обеспечительных мер в виде запрета ответчику на участие в других судебных и арбитражных процессах еще до внесения соответствующих изменений в АПК РФ [8], так и противников, рассматривающих такие меры одним из проявлений недобросовестной конкуренции правовых систем [6], антиисковые меры не применялись судебными органами на практике ни в качестве вида обеспечительной меры ни в качестве иного ограничения права на обращение в суд. Тот вариант, в котором они получили закрепление в АПК РФ на сегодняшний день, не дает достаточных оснований рассматривать антиисковые меры как обеспечительные меры. Определяя порядок обращения с заявлением о запрете и вынесения судом соответствующего определения, законодатель в необходимых случаях ссылается и на ст. 126 АПК РФ и на главу 20 АПК РФ, но не на главу 8 АПК РФ, регламентирующую обеспечительные меры арбитражного суда. Как следствие, обоснование применения обеспечительных мер и применения запрета на иск в суде (арбитраже) другого государства находятся в разных плоскостях. Отличаются и процедуры рассмотрения соответствующих заявлений, и порядок обжалования вынесенных определений, и последствия их неисполнения. Как следствие, антиисковый запрет представляет собой самобытный механизм, применение которого законодатель ограничил конкретным случаем, а именно спорами с участием подсанкционных лиц.

Реализация статьи 248.2 АПК РФ вызывает обоснованные сложности и опасения как в отношении условий, так и практики ее применения в дальнейшем.

Во-первых, четко необходимо понимать, на кого ориентирован данный запрет. Его адресатом может выступать исключительно участник спора, инициировавший процесс в иностранном суде (арбитраже). Представляется, что данный запрет не имеет ни юридической силы, ни процессуальных последствий для судебного органа. Еще в 2013 году Президиум ВАС РФ указал: «В силу принципа суверенного равенства государств как основного принципа международного права государства юридически равны и каждое государство пользуется правами, присущими государственному

суверенитету. Данный принцип подразумевает в том числе и то, что суд одного государства не вправе осуществлять властные полномочия в отношении суда другого государства и предписывать последнему осуществление тех или иных действий (принцип «равный над равным власти не имеет»). Судебный «противоисковый» запрет иностранного суда ни в силу своей природы, ни в силу норм международного и российского права не может препятствовать рассмотрению дела в арбитражном суде в Российской Федерации и порождать юридические последствия на территории Российской Федерации» [3]. Не признавая последствия такого запрета для национальных судов РФ, неоправданно ожидать обратной тенденции в отношении запретов, принимаемых судами РФ. В этом усматривается основная нежизнеспособность данной нормы, поскольку несмотря на наличие запрета суд иностранного суда сможет продолжить разбирательство дела, вынести решение по существу спора и обеспечить его принудительное исполнение как на своей территории, так и территории иного государства, кроме РФ. Как следствие, такой запрет призван заставить участника спора своими действиями (посредством отказа от иска или иным образом) не инициировать или прекратить уже начатый судебный процесс. В качестве мотивации соблюдения установленного запрета АПК РФ предусматривает возможность применения судебной неустойки – денежной суммы, соразмерной исковым требованиям и судебным издержкам, понесенных стороной, в отношении которой применены ограничительные меры. И хотя присуждение данной суммы является правом, а не обязанностью суда, которое суд реализует на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости неосновательного обогащения, представляется что данная мера вносит существенный дисбаланс в процессуальное положение участников спора. В данной ситуации принципиальным будет то, где фактически находится участник спора и его активы. Как следствие, если истец находится за рубежом и на территории РФ нет имущества, за счет которого возможно присуждение обозначенной денежной суммы за нарушение запрета судиться в иностранном суде, то и для участника спора такой запрет оказывается недостаточным мотивом прекратить производство по делу за рубежом. Принудительно исполнить определение арбитражного суда РФ об антиисковом запрете на территории иностранного государства представляется практически невозможным. Совершенно иные последствия могут наступить для иностранных контрагентов, имеющих капиталы на территории РФ.

Во-вторых, установив в АПК РФ размер денежной суммы, подлежащей взысканию за нарушение антиискового запрета в пределах исковых требований и судебных издержек, законодатель тем самым презюмирует факт вынесения иностранным судом решения, удовлетворяющего иски в полном объеме. Кроме того, даже при применении обеспечительных мер суд исходит из принципа соразмерности заявленным требованиям, но не учитывает возможные или уже понесенные судебные издержки. Су-

дебные издержки имеют совершенно иную природу, нежели исковые требования, представляя собой убытки, несение, размер и разумность которых надо доказать. Автоматическое их включение в размер денежной суммы, подлежащей взысканию при нарушении антиискового запрета, представляется несправедливым и нарушающим принцип процессуального равенства сторон.

В-третьих, законодатель вводит запрет как на инициирование дела, так и на продолжение процесса в иностранном суде (арбитраже). Вместе с тем, это категории разного порядка. Если спор еще не инициирован, то участники находятся относительно в равном положении. Если же дело уже находится на определенном этапе рассмотрения, то безусловно запрет на продолжение судебного разбирательства нарушает права противной стороны. В частности, встает вопрос о компенсации судебных издержек, понесенных в связи с разрешением спора в иностранном суде (арбитраже), временных издержек, вопрос о процессуальной добросовестности, когда стороны уже раскрыли позицию по делу и свои доказательства. Вследствие чего, представляется необходимым установить временные рамки возможности обращения в арбитражный суд РФ с заявлением об установлении запрета на продолжение разбирательства в иностранном суде (арбитраже) до первого заявления по существу спора. Отсутствие такого заявления со стороны подсудного лица и активное поведение в судебном процессе в иностранном суде (арбитраже) свидетельствует о его воле на рассмотрение спора иностранным судом (арбитражем) и должно влечь за собой утрату права смены юрисдикции (правило утраты права на возражение).

В практике арбитражных судов РФ уже имеются случаи обращения как с заявлением о рассмотрении дела в национальном суде РФ (дело № № А40-201344/2020) [4], так и с заявлением о запрете продолжать разбирательство в международном коммерческом арбитраже (дело № А60-36897/2020) [5], дошедшие до кассации, что свидетельствует о сложности данной категории споров, необходимости формирования единообразного толкования, и точного соблюдения процессуального равенства участников процесса. Это представляется тем более важным в свете соблюдения конституционного права каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, принципа добросовестного поведения участников процесса и правил функционирования добровольной юрисдикции международных коммерческих арбитражей.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2021).
2. Федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) госу-

дарственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2021).

3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2021).

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.01.2021 № Ф05-541/2021 по делу № А40-201344/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2021).

5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.03.2021 № Ф09-7278/20 по делу № А60-36897/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2021).

6. Иванов А.А. Недобросовестная конкуренция правовых систем: современные проблемы. Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А. Иванова на пленарном заседании Международного юридического форума в Санкт-Петербурге (17 мая 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arbitr.ru/archiv/press-centr/news/speeches/52580.html> (дата обращения: 10.10.2021).

7. Ходыкин Р.М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе и международном арбитраже // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / сост. и науч. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. М.: Статут, 2013. С. 274 - 296.

8. Ярков В.В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. 2014. № 8. С. 84 - 92

Об авторе:

АЛЕШУКИНА Светлана Александровна - кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-код: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

СИСТЕМА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВО БЛАГО ГРАЖДАН

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация: Рассматриваются вопросы сущности публичной власти современного российского государства, ее организации и функционирования, взаимодействия элементов, образующих данную систему.

Ключевые слова: *публичная власть, государственная власть, местное самоуправление.*

Одной из новелл Конституции РФ, появившейся в результате внесения изменения в нее в 2020 г, являются положения о единой публичной власти в государстве. Согласно ч. 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Президент Российской Федерации обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти (часть 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации).

Таким образом, в Конституции РФ речь идет не просто о наличии публичной власти, но о системе этой власти. При этом ключевым принципом существования этой системы является принцип единства. Сущность этого принципа явилась предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ в 2020 г. Так, в Заключении Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 установлено, что единство публичной власти предполагает «согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан».

Соотношение понятий «целого» и «части» было и является предметом исследования ученых не одного поколения. Еще древние мыслители обозначили в философии понятия целого, целостности и частного, сформулировав два подхода к этой проблеме: элементаризм и холлизм. В рамках элементаризма свойства целого определяются свойствами частей, а значит, целое не обладает самостоятельной реальностью. Согласно другому направлению – холлизму – подлинной реальностью и самостоятельностью обладает лишь целое, которое определяет свойства частей.

Диалектический метод исследования Гегеля позволил ему более глубоко познать соотношение части и целого. «Целое, – указывал он, – не есть абстрактное единство некоторого многообразия; но это единство как то, в чем многообразное соотносится одно с другим, есть та определенность этого многообразия, в силу которой оно есть часть» [3].

Основываясь на выводах Гегеля, Б.С. Эбзеев отмечает, что «именно диалектика дает нам важный принцип – принцип целостности, согласно которому целостность определяется связями, взаимодействиями частей, которые объединяют предметы в сложные комплексы» [6].

Любая система, в том числе и система публичной власти, является не простым набором элементов, ее составляющих, а целым, состоящим из взаимодействующих элементов. Эффективность работы системы зависит от эффективного взаимодействия ее частей. И здесь возникает вопрос, а каковы части единой публичной власти. Прежде чем отвечать на него, следует обратиться к вопросу соотношения понятий «публичная власть» и «государственная власть».

В.Е. Чиркин отмечал, что «в русский язык словосочетание «публичная власть» вошло в единственном значении – как государственная власть» [5, с. 9].

Подводя итоги своим рассуждениям о соотношении публичной и государственной власти, В.Е. Чиркин, делает вывод о том, что «государственная власть является высшей формой публичной власти, поскольку, во-первых, ее социальный источник – особый территориальный коллектив, народ всей страны, во-вторых, в силу этого только она обладает суверенным характером, является суверенной разновидностью публичной власти, в-третьих, только она может регулировать все вопросы жизнедеятельности общества, в-четвертых, именно она юридически наделяет кругом предметов ведения и полномочиями остальные публичные территориальные коллективы, наделяет основами компетенции их органы» [5, с. 9].

Но наличие публичной власти признается данным автором и в других территориальных коллективах: субъектах Федерации, автономных образованиях, муниципальных образованиях.

Система публичной власти – явление многоаспектное. Определяя ее, в первую очередь, следует обратить внимание на то, кто эту власть осуществляет. Кроме этого, можно говорить о системе публичной власти применительно к уровням ее осуществления.

В развитие конституционных положений о единстве публичной власти 27 сентября 2021 г. в Государственную Думу внесен проект Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Федерации» № 1256381-7.

Анализ данного проекта показывает, что определяя субъектов публичной власти, законодатель называет в качестве таковых только органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления (ст.1). При этом указывается, что такой подход формируется в соответствии с Конституцией РФ.

Однако, если обратиться к тексту Конституции, то согласно ч. 1 ст. 3, закрепляющей принцип народного суверенитета, источником власти является народ страны. Возникает вопрос, источником какой власти? И ответ, на наш взгляд, очевиден – власти публичной.

Народ, являясь источником власти, осуществляет ее, согласно ч. 2 ст. 3 в двух формах: непосредственно, через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В форме непосредственной и форме представительной демократии. В силу этого систему публичной власти следует рассматривать как совокупность реализации таких форм демократии, как непосредственная и представительная.

Таким образом, субъектами, реализующими публичную власть и являющиеся элементами ее системы, выступают: народ страны (субъекта Федерации, муниципального образования), органы государственной власти (федерального и субъектового уровней) и органы местного самоуправления.

Вторым аспектом, в рамках которого можно говорить о системе публичной власти является территориальный уровень. И здесь можно говорить о трех элементах такой системы: органы федеральной государственной власти, органы государственной власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления.

Но если публичный характер органов государственной власти одного и другого уровней не вызывал сомнений никогда, то вопрос о публичном характере муниципальной власти на разных этапах развития этого института рассматривался по-разному. В начале становления местного самоуправления в современной России о природе местного самоуправления высказывались разные суждения, которые в целом сводились к характеристике этой формы управления как формы, имеющей и государственные, и общественные начала.

Собственно, публичный характер муниципальной власти неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, в частности в Постановлении от 24.01.1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17.04.1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»», в Постановлении от 2.04.2002 г. № 7-п «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закон а Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г Злобина и Ю.А. Хнаева», а также и в иных решениях.

При этом Конституционный Суд РФ, выражая свою правовую позицию по вопросу о публичном характере муниципальной власти, отмечает, что понятие «органы власти» само по себе не свидетельствует об их государственной природе, и что публичная власть может быть и муниципальной. Следовательно, в Российской Федерации существует две разновидности публичной власти – государственная власть и местная (муниципальная) власть [1].

Следует отметить, что характеризуя природу местного самоуправления, современные авторы дают оценку ему как особому, наделенному исключительными чертами, виду социального управления.

Интересна позиция Н.С. Бондаря, который рассматривая сущность местного самоуправления, видит его в единстве власти и свободы, что позволяет преодолеть ограниченность оценки местного самоуправления публичными интересами и дает возможность раскрыть его институты через ценностные характеристики индивидуальной и общинной (коллективной) свободы – как проявление свободы человека по месту жительства, которая получает свою реализацию в органическом единстве со свободой местного сообщества, его властными возможностями самостоятельно решать вопросы местного значения[2].

О специфике природы местного самоуправления говорит и Ю. А. Тихомиров. По его мнению, самоуправление приобретает свойства «самоорганизованной публичной власти и самоосуществляемого управления, получая признание и в теории, и в законодательстве». При этом он подчеркивает, что самоуправление является перспективной формой демократизации и формирования новой «публичности», когда органически сливаются интересы личности, коллектива и общества [4].

Рассматривая публичную власть в современном обществе, В.Е. Чиркин отмечает, что в мире существуют четыре вида территориальных публичных коллективов: само общество в государственных границах, субъект федерации, территориальная автономия, муниципальное образование. В рамках этих коллективов осуществляется социальная публичная власть, которая производна от населения того или иного коллектива.

Говоря о публичном характере каждого вида публичного коллектива, В.Е. Чиркин выделяет особенности публичной власти муниципального образования, подчеркивая, что в любом муниципальном образовании существует своя публичная власть, источником которой является народ (население муниципального образования). Она всегда действует наряду с государственной властью (в федерациях также наряду с государственноподобной властью субъекта федерации, а иногда властью территориальной автономии, в состав которой входит муниципальное образование), хотя формы организации той, другой, третьей, их полномочия неодинаковы. По мнению этого автора, местное самоуправление — это негосударственная муниципальная публичная власть. И завершает свои рассуждения выводом о том, что власть каждого коллектива — одно из звеньев публичной власти всего российского многонационального народа, которая (публичная власть всего народа) имеет свою форму государственной власти. В демократическом государстве существует единая система публичной власти народа [5, с. 13].

Являясь единой, система публичной власти может эффективно функционировать только при условии взаимодействия ее элементов. При этом необходимо выработать формы и методы такого взаимодействия ее элементов. Важны как формы взаимоотношений субъектов публичной власти

(народ, органы государственной власти и органы местного самоуправления), так и формы взаимодействия трех видов территориальных публичных коллективов (федерации, субъектов федерации, муниципальных образований).

В этой связи исследованию подлежит тот механизм взаимодействия органов публичной власти, который предлагается в названном проекте Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Федерации». В ст. 1 данного проекта устанавливается, что федеральные органы государственной власти и иные федеральные государственные органы осуществляют свои полномочия на территории субъекта Российской Федерации во взаимодействии с органами государственной власти субъекта Российской Федерации, иными государственными органами субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления, действующими на территории субъекта Российской Федерации, и они в совокупности являются органами, входящими в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации.

То есть, сам Закон нацелен на создание основы такого взаимодействия. И хотя законодательный акт, судя по названию, должен быть посвящен правовому регулированию деятельности (установлению общих принципов) органов публичной власти субъекта Федерации, законодатель, опираясь на конституционный принцип единства публичной власти, рассматривает публичные органы субъектов Федерации в связке с иными органами (федеральными и муниципальными).

При этом один из принципов, заложенных в этом проекте закона, на основе которых должны функционировать публичные органы субъекта Федерации – принцип согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти на всех уровнях – на федеральном, региональном и муниципальном (п. 6 ч. 1 ст. 2).

На основе принципа единства системы публичной власти в ст. 6 законопроекта определяются основы участия органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, в решении задач местного самоуправления. Особо обращают внимание на себя два положения, закреплённые в данной статье: во-первых, органы государственной власти субъекта Российской Федерации в пределах своих полномочий *обеспечивают государственные гарантии прав населения на осуществление местного самоуправления*; во-вторых, они *осуществляют правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их должностных лиц в области местного самоуправления в случаях и порядке, установленных федеральными законами*.

То есть органы публичной (государственной) власти субъекта Федерации должны создать определенные условия, в которых могли бы быть реализованы права населения на осуществление местного самоуправления, и наряду с этим предусмотреть ответственность органов власти субъектов Федерации в области местного самоуправления.

Поскольку органы публичной власти субъекта Федерации обеспечивают государственные гарантии права населения на осуществление местного самоуправления *в пределах своих полномочий*, означает, что федеральный уровень не снимает с себя груз ответственности за создание условий, в которых могут быть реализованы права населения на осуществление местного самоуправления.

Интерес представляет и второе положение, в соответствии с которым в субъекте Федерации предполагается разработка нормативного правового акта, предусматривающего порядок привлечения к ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их должностных лиц в области местного самоуправления. Такая формулировка означает, что в законодательстве субъектов Федерации могут появиться нормы, направленные на обеспечение права граждан в сфере местного самоуправления, выражающееся в возможности привлечения к ответственности, как органов, так и должностных лиц субъектов Федерации, нарушающих это право.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80,92-94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 г. «Об органах исполнительной власти в Республике Коми»».
2. Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации: Автореф. Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов. С. 14-15.
3. Гегель Г.В.Ф. Сочинения М., 1937. Т. 5. С. 618.
4. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995. С. 36, 116-126.
5. Чиркин В.Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 6. (всего – 3-13)
6. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект 2-13. С. 462.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN – код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА, ПРИЗНАННОГО БАНКРОТОМ

К.А. Абдуллаев

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: В рыночной экономике явление банкротства играет очень важную роль. Банкротство считается одной из важнейших юридических процедур, направленных на стабилизацию экономической деятельности и укрепление доверия между ее участниками. Процедуры банкротства предоставляют должнику, находящемуся в сложной финансовой ситуации, возможность восстановить платежеспособность, а при невозможности восстановления такие процедуры позволяют обеспечить наиболее полное удовлетворение интересов кредиторов. В настоящей статье определены правовые последствия реализации прав и интересов при признании физического лица банкротом, сформулированы отдельные выводы. **Ключевые слова:** *интерес в праве, банкротство, гражданин, восстановление статуса гражданина, суд.*

Как и во всех случаях, требующих специального регулирования банкротства отдельных лиц, в связи с особенностью их статуса, ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] устанавливает приоритетность специальных норм, содержащих особенности правового регулирования банкротства физических лиц [4, с.12]. Несостоятельность (банкротство) – признание арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [7]. Гражданско-правовая защита прав различных категорий граждан при банкротстве, гарантирована как на международном, так и на государственном уровне и является объективной реальностью и необходимостью [5, с.19].

Правовые последствия признания физического лица банкротом установлены статьей 213.30 [2]:

1. В течение пяти лет со дня завершения процедуры продажи имущества в отношении гражданина или заключения дела о банкротстве в ходе такого производства он не вправе принимать на себя обязательства по кредитному и (или) договорам займа без указания факта своего банкротства.

2. В течение пяти лет со дня завершения процедуры распоряжения имуществом в отношении гражданина или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такого производства дело о банкротстве не может быть возбуждено по заявлению этого гражданина.

В случае многократного признания гражданина банкротом в указанный срок по заявлению кредитора банкрота или уполномоченного органа в ходе вновь возбужденного дела о банкротстве гражданина действует правило об освобождении гражданина от обязанностей, предусмотренных пункт 3 статьи 213.28 настоящего Федерального закона не применяется.

Неудовлетворенные требования кредиторов, срок погашения которых истек, могут быть предъявлены в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

По окончании продажи имущества гражданина в случае, указанном в настоящем пункте, исполнительный суд выдает исполнительные листы по неудовлетворенным требованиям кредиторов, срок исполнения которых наступил.

3. В течение трех лет со дня завершения производства по продаже имущества гражданину или завершения процедуры банкротства в ходе этого производства он не может занимать должности в органах управления юридического лица, в противном случае участвовать в управлении юридическим лицом, если иное не установлено настоящим законом.

Полагаем, что важное правовое значение имеют последствия реализации прав и интересов при признании физического лица банкротом. В доктрине обоснованно определено, что категория интереса имеет также большое значение практически для всех общественных наук: философии, педагогики, психологии, юриспруденции, социологии и др. Разноотраслевой подход к изучению того или иного вопроса обуславливает и различное смысловое наполнение рассматриваемого понятия [3, с.9].

За период работы институт банкротства должника последовательно развивался, расширилась практика его применения. Пленум Верховного Суда РФ 13 октября 2015 г. принял постановление № 45 «Некоторые вопросы, связанные с введением процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан». Этим актом Верховного суда урегулирован ряд вопросов, связанных с обеспечением процедуры банкротства должника. Институт банкротства физических лиц в России начал применяться к иностранным гражданам. Закон о банкротстве не содержит указаний на то, что для целей законодательства под должником, в том числе индивидуальным предпринимателем, понимается только лицо, являющееся гражданином Российской Федерации. Соответствующая позиция содержится в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 8 июля 2016 г. по делу № А40-186978 / 2015, согласно которому Закон о банкротстве не связывает определение должника с его статусом гражданина Российской Федерации. В то же время вывод судов о том, что положения Закона о банкротстве не предусматривают применения его положений к лицам, не имеющим гражданства Российской Федерации, не основан на нормах материального права.

В течение десяти лет со дня завершения производства по продаже имущества гражданину или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такого производства он не может занимать должности в органах кредитного управления. учреждения или иным образом участвуют в управлении кредитной организацией [6].

Последствиями объявления банкротства физического лица по отношению к банкроту в основном являются [10]:

- ограничение действий потребителя в рамках заключенных договоров - он может приобретать только продукты, необходимые для повседневного

функционирования - продукты питания, чистящие средства, и покрывать их расходы за счет средств, которые не были изъяты доверительным управляющим,

- тот факт, что действия банкрота могут повлиять на решение суда, а именно необоснованный отказ от работы может повлечь прекращение процедуры банкротства и лишение потребителя возможности списания долга,
- после вступления решения суда в законную силу - приостановление всех судебных и исполнительных производств в отношении физического лица,
- исключение судом банкрота из реестра неплатежеспособных должников.

Банкротство физических лиц также связано с активами банкрота [9]:

- банкрот теряет все права на управление имуществом, и вместо этого доверительный управляющий получает право,
- физлицо обязано передать получателю все свое имущество вместе с необходимыми документами, связанными с его деятельностью, и предоставить получателю и судье-комиссару объяснения относительно имущества,
- имущество банкрота становится так называемой конкурсной массой, предназначенной для погашения долгов и покрытия расходов на процедуры банкротства,
- имущество монетизируется получателем после предварительной инвентаризации для установления иерархии продаж, за исключением предметов, необходимых для повседневного функционирования,
- последствия банкротства потребителей также включают помощь в удовлетворении жилищных потребностей.

При ведении бизнеса неплатежеспособный предприниматель обязан подать заявление о банкротстве компании. Последствия признания предпринимателя банкротом могут различаться в зависимости от способа производства - ликвидация или нет. Соответственно, предприниматель либо теряет все активы, и деятельность подлежит принудительному исполнению, либо заключает договор с кредиторами о выплате долгов при сохранении деятельности и некоторых активов [1, с.181-183].

Однако часто из-за отсутствия активов у предпринимателя банкротство компании невозможно. В такой ситуации, согласно Закону о банкротстве, должник, удалив деятельность из налоговых органов и тем самым потеряв статус предпринимателя, может подать заявление о банкротстве физического лица уже не в качестве предпринимателя. Тогда банкротство физлица и его последствия будут такими, как описано выше. Однако существует риск того, что суд признает отягчающим обстоятельством то обстоятельство, что должник не подал заявление о банкротстве предпринимателя в срок, предусмотренный законом. Существуют правовые процедуры, гарантирующие, что предприниматель объявит о банкротстве [8, с.157-161].

Последствиями объявления о банкротстве физлица являются, прежде всего, поддержка банкрота на его пути к облегчению долгового бремени. Последовательный выход из долгов и избавление от них означает

завершение определенного этапа в вашей жизни и начало нового - с комфортом финансовой стабильности.

Закон о банкротстве должен выполнять три основные задачи (функции):

1) удовлетворение кредиторов неплатежеспособного должника (функция взыскания долга);

2) предотвращение дальнейшей неплатежеспособности в результате невыплаты обязательств неплатежеспособным должником (превентивная функция);

3) обучение предпринимателей определенным образцам поведения, которые можно определить как отношение надежного предпринимателя (образовательная функция).

Удовлетворение требований кредиторов, несомненно, является основной целью закона о банкротстве. Верно, что природа несостоятельности показывает, что кредиторы не могут быть удовлетворены полностью, но закон о банкротстве должен создавать благоприятные условия для удовлетворения кредиторов в ходе процедуры банкротства в максимально возможной степени.

Решения иностранных судов признаются и исполняются в Российской Федерации, в том числе на основе взаимности, согласно статьям 241–246 АПК РФ, статьям 409–417 ГПК РФ. Судебный акт Высокого суда справедливости Великобритании от 5 октября 2012 г. 4893-2012 о признании и приведении в исполнение в Российской Федерации не было принято Арбитражным судом или Судом общей юрисдикции, и должник с этим заявлением не обращался. Согласно пункту 1 статьи 1186 (далее – Гражданский кодекс РФ) право, которое подлежит применению к гражданским правоотношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц или гражданским правоотношениям, осложненным иными иностранными элементами, в том числе случаи, когда субъект гражданских прав находится за границей, определяется на основании международных договоров Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации и других законов (пункт 2 статьи 3 Гражданского кодекса Российской Федерации) и таможня, признанная в РФ.

Постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 марта 2016 г. по делу № А56-71378 / 2015 указано, что Российская Федерация не является стороной международных договоров о несостоятельности физических или юридических лиц; несостоятельность, осложненная иностранным элементом. Ни положения Гражданского кодекса, ни правила международных договоров с участием Российской Федерации не предусматривают применения иностранного права к правовым вопросам, связанным с банкротством граждан, в том числе процессуального законодательства, регулирующего признание лиц несостоятельными в других странах. Однако Апелляционный суд заявляет, что целью несостоятельности является справедливое урегулирование споров с кредиторами, а не выполнение обязательств должника.

Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 марта 2016 г., определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург и Ленинградская область в 23 декабря 2015 г. Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06 июля 2016 г. № А56-71378 / 2015 оставлены без изменения. Верховный Суд Российской Федерации от 10 октября 2016 г. 307-ЕС16-12310 отказал должнику в передаче его жалобы на акты судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, указанных выше, на рассмотрение Палаты по хозяйственным спорам Верховного Суда Российской Федерации.

При этом Верховный Суд Российской Федерации констатировал, что судебный акт иностранного суда о признании гражданина Российской Федерации банкротом с учетом обстоятельств дела о банкротстве № А56-71378/2015 не имеет. воспрепятствовать проведению процедуры банкротства в отношении данного физического лица в соответствии с законодательством Российской Федерации.

С учетом изложенных выше данных признание в Российской Федерации банкротства гражданина (должника) Российской Федерации, прошедшего процедуру банкротства в иностранной юрисдикции, а также правовые последствия прохождения этой процедуры возможны при следующих условиях:

1) Российская Федерация и иностранная юрисдикция практикуют принцип взаимности признания судебных актов;

2) существует формальная процедура признания акта иностранного суда в Российской Федерации;

3) процедура банкротства в иностранной юрисдикции должника не нарушила права и законные интересы его кредиторов и других лиц. Недопустимо, чтобы институт банкротства использовался должниками, в том числе физическими лицами, для злонамеренного уклонения от выполнения своих обязательств перед кредиторами.

В случае совершения банкротом действий гражданина освобождение этого должника от обязательств не допускается. Условия, при которых гражданин не может быть освобожден от обязательств, установлены пунктами 4-6 статьи 213.28 Закона о банкротстве. Эти нормы права предусматривают, что физическое лицо по завершении процедуры продажи его имущества не может быть освобождено от исполнения всех обязательств или гражданин не может быть освобожден от исполнения индивидуальных обязательств, возникающих в связи с недобросовестным (незаконным) поведением лица. индивидуальный. Устанавливается судебная практика неиспользования правил исполнения обязательств перед недобросовестными должниками.

Рассмотрим следующие примеры судебной практики.

В рамках дела № А45-24580 / 2015 Арбитражный суд Новосибирской области 24 марта 2016 вынес решение о неиспользовании правила об исполнении обязательств перед должником в связи с недобросовестным поведением должника при получении кредита. Кроме того, в рассмат-

риваемом случае семейная задолженность должника и право собственности на квартиру (т.е. гражданин не выполнил свои обязательства по кредитным договорам, но выполнил свои обязательства по оплате коммунальных услуг) в совокупности с другими обстоятельствами дело о банкротстве стало основанием для неиспользования Арбитражным судом правила об исполнении обязательств перед должником.

Постановлениями Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26 мая 2016 года Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13 октября 2016 года установлено, что судебный акт оставлен без изменения. Верховный Суд РФ от 2 февраля 2017 г. 304-ES16-19557 отказал должнику в передаче жалобы на рассмотрение в Коллегию по хозяйственным спорам Верховного Суда Российской Федерации. Применение процедур банкротства недобросовестными экономическими агентами с целью уклонения от выполнения своих обязательств нивелирует значение этого института для национальной экономики, поэтому важно минимизировать возможности злоупотреблений в сфере банкротства в рамках этого института.

Чрезвычайно важно обеспечить эффективное применение института банкротства должника в России. В качестве примера неэффективного применения института банкротства представляется целесообразным рассмотреть введение в действие Федерального закона от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», действовавшего с 1998 по 2002 гг., который базировался на принципе банкротства предприятия по текущим сделкам, что значительно снизило препятствия для проведения процедуры банкротства.

В результате к 1 января 1998 г. в производстве находилось около 4 тыс. Дел о банкротстве, а к 1 января 2002 г. - более 50 тыс. Дел о банкротстве. Около 80% составили дела о банкротстве без вести пропавших или ликвидированных должников, инициированные в основном налоговыми органами с целью соблюдения формальной процедуры ликвидации юридических лиц без реальной возможности взыскания задолженности перед бюджетом. Несмотря на то, что с 1 октября 2015 года институт банкротства должника затронул десятки тысяч граждан, существует ряд институциональных барьеров, препятствующих наиболее эффективному применению института банкротства для должников и кредиторов: Высокая стоимость процедура банкротства должника, недостаточное применение реабилитационных процедур и злоупотребления в делах о банкротстве, попытки использования процедур банкротства недобросовестными должниками для уклонения от исполнения своих обязательств, институциональная сложность правоотношений в сфере банкротства.

С учетом вышеизложенного сформулированы следующие предложения по совершенствованию института несостоятельности (банкротства) должника:

1) Упрощение процедуры банкротства для добросовестных должников за счет минимизации их издержек. В настоящее время актуальность рассматриваемых вопросов высока. Значительная часть этих лиц потенциально соответствует критериям несостоятельности (банкротства). И у большого числа

этих должников, которые уже фактически являются неплатежеспособными, просто нет средств для покрытия расходов на процедуру банкротства. Стоимость процедуры банкротства должника остается достаточно высокой; обязательные почтовые и организационные расходы - не менее 10 000 руб., а также прочие расходы по процедурам банкротства.

Таким образом, минимальные затраты на процедуру банкротства должника составляют порядка 35 300 рублей. В то же время, по оценкам некоторых экспертов, затраты на процедуру банкротства должника на самом деле составляют не менее 45-50 тысяч рублей. В связи с этим целесообразно публиковать информацию по делу о банкротстве должника только в электронном виде (путем размещения информации в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве) без дублирования в официальном печатном издании.

2) Недопустимость использования процедур банкротства недобросовестными должниками для уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами. Кроме того, в Российской Федерации должна быть сохранена возможность пересмотра судебного акта об освобождении должника от исполнения обязательств перед кредиторами в случае выявления противоправных действий, совершенных должником до и (или) во время процедуры банкротства после завершения процедуры реализации собственности гражданина.

Институт банкротства должника в России нуждается в постоянном совершенствовании с учетом прав и законных интересов должника и кредиторов, а также соблюдения баланса интересов между этими лицами. В противном случае российский институт банкротства не сможет конкурировать с институтами банкротства наиболее развитых сообществ. Состояние и качество функционирования института несостоятельности (банкротства) являются важным показателем («зеркалом») эффективности управления национальной экономикой, в том числе ее государственным и частным секторами.

Реабилитационная направленность отношений в сфере несостоятельности (банкротства) свидетельствует о желании и способности хозяйствующих субъектов выполнять свои финансовые обязательства. Напротив, ликвидационная направленность банкротных правоотношений является признаком склонности должников к девиантному (недобросовестному) экономическому поведению, выражающемуся в уклонении от исполнения своих обязательств и желании списать свои долги.

Редкие случаи, когда граждане РФ по разным причинам выбирают иностранную юрисдикцию для производства по делу о банкротстве. Этот факт свидетельствует о том, что концептуальная основа института несостоятельности (банкротства) в России должна быть сбалансированной и устойчивой во времени. Кроме того, правовая форма, выражающая сущность экономических отношений в сфере несостоятельности (банкротства), должна постоянно совершенствоваться для достижения наиболее эффективных целей применения института несостоятельности (банкротства) на том или ином историческом этапе развития России.

Таким образом, институт несостоятельности (банкротства) должника в России необходимо реформировать с учетом следующих принципов: 1) процедура банкротства должна применяться к должнику для исполнения денежных обязательств перед кредиторами, а не для списания долгов; 2) упростить процедуру банкротства добросовестных должников; 3) Исключить возможность злоупотреблений в делах о банкротстве.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "О несостоятельности (банкротстве)" // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Федеральный закон от 29.06.2015 N 154-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2015. N 27. Ст. 3945.
3. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
4. Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Проблемы и перспективы правового регулирования банкротства застройщиков и защиты прав граждан по договору долевого участия в строительстве // Юрист. 2021. № 7. С. 12.
5. Левушкин А.Н. Неродившиеся дети: учет интересов и прав в гражданском обороте и медицинской практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 18-23.
6. Макаров О.А., Бочкова А.А. Оценка риска последствий банкротства физических лиц // Форум молодёжной науки. 2021. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-riska-posledstviy-bankrotstva-fizicheskikh-lits> (дата обращения: 12.10.2021).
7. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. М.: Статут, 2019. 925 с.
8. Саблина И.А., Юлова Е.С. Направления совершенствования законодательства РФ о банкротстве граждан на основе зарубежного опыта // Образование и право. 2020. №2. С.157-161.
9. Хадисов С.В. Особенности законодательного регулирования банкротства физических лиц // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zakonodatelnogo-regulirovaniya-bankrotstva-fizicheskikh-lits> (дата обращения: 13.10.2021).
10. Чистикова Д.М. Несостоятельность (банкротство) физического лица в Германии и России // Наука и образование сегодня. 2020. №2 (49). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesostoyatelnost-bankrotstvo-fizicheskogo-litsa-v-germanii-i-rossii> (дата обращения: 05.03.2021).
11. Шульга А.К. Сравнительная характеристика банкротства граждан в Российской Федерации и зарубежных странах // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №4. С.181-183.

Об авторе:

АБДУЛЛАЕВ Казбек Абдуллаевич – помощник судьи Арбитражного суда Московского округа, аспирант 2 курса кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЗЕМЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Ю.В. Васильчук

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Аннотация: В статье исследуется вопрос о соотношении публичных и частных интересов в земельном праве, а также анализируются нормы земельного законодательства в части закрепления публичных и частных интересов в отдельных сферах правового регулирования с учетом важнейших характеристик земли как природного объекта и природного ресурса. Автор формулирует подход к соотношению публичных и частных интересов при регулировании отдельных земельных отношений.

Ключевые слова: частные и публичные интересы, соотношение публичных и частных интересов в земельном праве, земля, земельный участок, сервитут.

Вопрос о соотношении публичных и частных интересов в земельном праве не только не теряет своей актуальности, но и приобретает особое значение в связи с совершенствованием законодательства в части регулирования публичного сервитута, изъятия земель для государственных и муниципальных нужд, резервирования и установления иных ограничений прав на землю, в том числе экологического характера, включая возможность установления зон с особыми условиями использования территорий, возможность принудительного прекращения права собственности и иных прав на земельные участки в связи нарушением требований законодательства его правообладателем. Кроме того, в субъектах РФ активизировалась работа по установлению границ особо охраняемых природных территорий и объектов, поставке их на кадастровый учет, созданию новых, что безусловно затронет частные интересы собственников и иных правообладателей земельных участков, если их участки попадут в состав данных территорий.

Публичный интерес – это признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития [12]. При этом «публичный интерес нельзя понимать только как интерес государства, отдаленный от интересов граждан, корпораций, общества» [13]. Публичный интерес, выступающий объективным ограничителем частных интересов, должен быть строго определен рамками закона, иначе субъективные права и частные интересы становятся фикцией [11].

Белоусов С.А. отмечает, что в земельном законодательстве не используется термин «публичный интерес», его суть определяется через категорию «государственные или муниципальные нужды. Так, в настоящее время для государственных или муниципальных нужд может быть изъят земельный участок, установлен публичный сервитут [5]. Кроме того, на основании ст. 56.1 ЗК РФ, права собственников земельных участков, землепользователей,

землевладельцев, арендаторов могут быть ограничены в связи с резервированием земель для государственных или муниципальных нужд.

Исследуя вопрос об экологическом публичном интересе, М.И. Васильева верно отмечает, что «при всех вариантах понимания публичных интересов публичность предполагает присутствие государства, поэтому принципиально важным является различие публичных и государственных интересов в сфере охраны окружающей среды». Публичные экологические интересы включают в себя: 1) государственные, в той их части, которая отражает экологические интересы общества в целом; 2) общественные интересы, понимаемые как интересы гражданского общества, в той степени, которая соответствует уровню осознания и познания этих интересов и которая может быть обеспечена правовой защитой в конкретных социально-экономических и политических условиях [6].

Представляется, что государственные интересы в области земельных отношений должны иметь своей целью реализацию, обеспечение конституционного признания земли в качестве основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Земля как уникальный природный объект и ресурс обладает только ей присущими чертами и свойствами, такими, как естественное происхождение, незаменимость, неисчерпаемость, при условии правильного и рационального ее использования. Особое значение земли проявляется и в том, что она является связующим звеном в системе всех других природных ресурсов, обеспечивая тем самым их функционирование как целостной экологической системы. От состояния земель напрямую зависит состояние других природных ресурсов и объектов. Представляется, что исходным моментом в определении земельного участка как объекта правового регулирования должно быть конституционное положение о признании его наряду с другими природными объектами в качестве основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. «При этом правовая характеристика природных ресурсов как основы жизни и деятельности народа, закрепленная в ст. 9 Конституции РФ, создает правоотношение общего типа, которое не переходит в разряд конкретных отношений, а существует параллельно с отношениями собственности, управления, охраны природных ресурсов и «над ними». Кроме того, данная правовая конструкция подчеркивает исключительную правовую значимость природных ресурсов и обуславливает необходимость существования публично-правовых ограничений применительно к их оборотоспособности, осуществления хозяйственной деятельности и других» [6].

Публичный интерес должен быть определен как интерес всего общества в сохранении, восстановлении и охране земель как уникального природного объекта, важнейшего компонента окружающей среды. Государство, как носитель публичного интереса, путем осуществления различных видов деятельности должно осознать и обеспечить не только

сохранение земельных ресурсов России, но сделать возможным реализацию общественных и частных интересов в земельном праве.

Реализации государственного интереса способствует не только надлежащее правовое регулирование, но и последующее эффективное управление земельными ресурсами страны, перераспределение земель, в том числе посредством их принудительного изъятия в судебном порядке в связи с неиспользованием или по причине использования не по целевому назначению, с нарушением вида разрешенного использования, совершении иных правонарушений и последующем предоставлением иным лицам. Исполнительно-распорядительная деятельность органов государственной власти, местного самоуправления должна быть направлена прежде всего на обеспечение рационального использования и охраны земель. В своем решении Арбитражный суд Северо-Кавказского округа, рассматривая дело о признании недействительным (ничтожным) договора аренды земельного участка и применении последствий недействительности ничтожной сделки в обосновывая свое решение, привел правовую позицию Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 и указал, что статей 166, 168 Гражданского кодекса установлено, что сделка может быть признана недействительной по основаниям, установленным законом. К таковым отнесены сделки, нарушающие требования закона или иного правового акта и при этом посягающие на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Удовлетворение требования о признании недействительной ничтожной сделки поставлено в зависимость от наличия у лица, предъявляющего такое требование, охраняемого законом интереса в этом. Последствия недействительности ничтожной сделки применяются для защиты публичных интересов. Под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц [3]. Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы. Земельный участок, который относится к землям (территориям) общего пользования, не может быть выделен из земель общего пользования и предоставлен в пользование конкретному лицу, поскольку такое предоставление исключает возможность реализации неограниченным кругом лиц права на беспрепятственное пользование участком. Установление красных линий по границам уже сформированных для эксплуатации объектов недвижимости земельных участков противоречит нормам законодательства о градостроительной деятельности. Образование земельного участка частично за счет территорий общего пользования (площади, тротуаров, проездов), само по себе не нарушает действующее законодательство, права и законные интересы неограниченного круга лиц. Такие нарушения повлекла передача этого участка в индивидуальное арендное пользование акционерному обществу. В целях недопущения этих нарушений департамент как представитель публичного собственника обязан был до заключения договора аренды откорректировать конфигурацию и площадь уже

существовавшего земельного участка, исключив из него тротуары, площади, существующие проходы, проезды [4].

Общественные интересы в земельном праве реализуются в большей степени через публичные экологические интересы, связанные с хранением земли как территориального базиса для существования и деятельности людей. Так, граждане могут выступать против строительства того или иного объекта на этапе обсуждения генерального плана города, правил землепользования и застройки и других документов территориального планирования территорий. Как отмечает К.Ю. Тотьев, «интересы общества не сводятся к сумме частных интересов ее членов. Они во многом диктуются необходимостью социального развития и нацелены в будущее» [14].

Общественный интерес в земельном праве носит преимущественно экологический характер, однако его нельзя идеализировать, представляя как осознанный им в полной мере и неизменно приоритетный для общества, что обусловлено недостаточным уровнем экологического образования, воспитания и экологической культуры в целом.

Важным является правовое закрепление того или иного интереса. Так, в качестве принципа земельного законодательства в ст. 1 ЗК РФ, закреплён принцип участия граждан, их общественных организаций (объединений) в решении вопросов, касающихся прав на землю, а также принцип сочетания интересов общества и законных интересов граждан [1]. Часть 3 ст. 31 ЗК РФ предусматривает, что граждане, общественные организации (объединения), религиозные организации и органы территориального общественного самоуправления имеют право участвовать в подготовке решений, реализация которых может оказать воздействие на состояние земель при их использовании и охране, а органы государственной власти, органы местного самоуправления, субъекты хозяйственной и иной деятельности обязаны обеспечить возможность такого участия в порядке и в формах, которые установлены законодательством.

Соотношение публичных и частных интересов в земельном праве привел к необходимости установления отдельных видов сервитутов. Статья 23 ЗК РФ, регламентирующая сервитутное право на землю, содержит положение о том, что публичный сервитут может быть установлен решением исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд, а также нужд местного населения без изъятия земельного участка. В случае, когда установление публичного сервитута приводит к существенным затруднениям в использовании земельного участка, его правообладатель вправе требовать от органа государственной власти или местного самоуправления, установивших публичный сервитут, соразмерную плату. Анализируя судебную практику, И.Е. Кабанова приходит к выводу, что именно правовая природа интереса – публичный или частный – лежит в основе классификации сервитутов. Публичный сервитут не устанавливается в пользу конкретных частных лиц, даже если их

деятельность является общественно полезной или публично значимой [9]. Г.А. Волков справедливо отмечает, что, в настоящее время и «частные» и «публичные» сервитуты следует оценивать прежде всего с точки зрения обеспечения гарантий прав на землю при их установлении и сохранении определенного баланса частных и публичных интересов. Так, в результате их развития стало допустимым применение этого титула для размещения (строительства) и реконструкции различного рода объектов. При этом понятие существенности является оценочным, его толкование может зависеть от различных обстоятельств объективного и субъективного характера. Кроме того, законодатель исключил необходимость проведения общественных или публичных слушаний при установлении публичного сервитута [7].

Градостроительный кодекс (далее – ГрК РФ) также пошел по пути признания и прямого закрепления наличия общественного интереса. Так, ст. 28 ГрК РФ в целях соблюдения права человека на благоприятные условия жизнедеятельности, прав и законных интересов правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства предусматривает необходимость проводить общественные обсуждения или публичные слушания по проектам генеральных планов поселений, генеральных планов городских округов и по проектам, предусматривающих внесение в данные документы изменения, которые проводятся в каждом населенном пункте муниципального образования [2]. Статья 31 ГрК РФ предусматривает также проведение общественных обсуждений или публичных слушаний по проекту правил землепользования и застройки, ст. 39 ГрК РФ – при получении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка.

Участие общественности как выразителя общественных интересов в земельных правоотношениях в настоящее время основано прежде всего на осознании определенной социальной группы важности сохранения среды жизнедеятельности и необходимости принятия участия в процессе обсуждения документов территориального планирования и градостроительного зонирования, реализация которых предполагает резервирование земель, их последующее изъятие для государственных и муниципальных нужд для размещения хозяйственных и иных объектов.

Частный интерес в земельном праве следует понимать, как интерес отдельных индивидов, связанный с реализацией их субъективных прав и законных интересов в сфере земельных отношений.

Основным критерием для установления пределов удовлетворения интересов конкретного лица служат интересы других лиц, в том числе общественные и государственные. Следовательно, выход за эти пределы и противоречие охраняемым законом интересам других лиц должен рассматриваться как интерес незаконный [10]. Признание важности существования частных интересов в земельном праве происходит на конституционном уровне, так как в ч. 2 ст. 36 Конституции РФ прямо закреплено, что каждый

свободно владеет, пользуется и распоряжается землей, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает права и законные интересы иных лиц на землю. Для реализации частных интересов также важное значение имеет положение о том, что граждане и их объединения вправе иметь землю в частной собственности (ч. 1 ст. 36 Конституции). Пункт 4 ст. 28 ЗК РФ закрепляет, что не допускается отказ в предоставлении в собственность граждан и юридических лиц земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для строительства, за исключением случаев, когда земельный участок изъят из оборота; федеральным законом установлен запрет на его приватизацию; зарезервирован для государственных и муниципальных нужд. Одновременно с этим, законодатель четко определяет обязанности собственников и иных правообладателей земельных участков использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту, осуществлять мероприятия по охране земель, лесов, водных объектов и других ресурсов, в том числе меры пожарной безопасности, своевременно приступать к их использованию и выполнять иные предписания, обусловленные признанием земли природным объектом и ресурсом, имеющим особую социальную значимость.

Нельзя не учитывать, что орган государственной власти или местного самоуправления, с одной стороны, наделен публичными полномочиями и, решая вопрос об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд, действует как орган публичной власти. С другой стороны, в отношении принадлежащего ему имущества он может действовать как собственник, стараясь извлечь от его использования, распоряжения максимум дохода, и сделка по выкупу будет иметь частноправовой характер [8]. В этом случае его интересы, имущественные и частноправовые по характеру, могут войти в противоречие с интересами других частных лиц – правообладателей земельных участков, которые планируется у них изъять. Кроме того, не исключено, что земельные участки, изымаемые для государственных или муниципальных нужд, в последующем будут передаваться другим частным лицам, желающим инвестировать и осуществить строительство на них. Однако строительство того или иного объекта (например, дороги, моста) может иметь общественно значимый характер для всего населения. Таким образом, устанавливая приоритет публичных интересов, следует обеспечить соблюдение частных интересов лиц, у которых изымаются земельные участки для государственных и муниципальных нужд, соблюдая требования законодательства в части информирования о предстоящем изъятии, заключения соглашения, согласования всех условий, включая рыночную стоимость изымаемых участков и расположенных на них объектах недвижимости и т.п. При этом, правообладатель земельного

участка, как правило, оспаривает решение об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд, по причине несоблюдения процедуры изъятия, либо он не согласен с условиями соглашения, например, рыночной стоимостью земельного участка, считая ее заниженной.

Таким образом, необходимо выделять различные общественные интересы в земельном праве, среди которых – экологические, политические, экономические, социальные, интересы безопасности и др. Все эти интересы могут быть публичными (государственными, общественными) и частными. Вопрос об их приоритете напрямую зависит от конкретной ситуации, урегулированной правом. Правовое регулирование, в свою очередь, должно отражать определенный интерес исходя из цели правового регулирования.

Необходимо на современном этапе развития земельного права и земельного законодательства, привести вышеуказанные интересы в такое соотношение, чтобы не только обеспечить охрану земель, но и при этом не создать существенные сложности в реализации права граждан на землю, включая возможность приобретения земельных участков в собственность или на другом праве, совершения с ними сделок.

Таким образом, одной из основных проблем, стоящих перед законодателем и наукой в области земельных, экологических, градостроительных и иных отношений, является проблема выявления и закрепления правового механизма, который обеспечил бы оптимальное и гармоничное сочетание частных и публичных интересов. Ю.А. Тихомиров отмечал, что «в праве всегда представлены обе грани интереса (частный и публичный), и приоритетность может означать усредненность или согласованность социальных интересов» [12]. При регулировании определенных видов земельных отношений, законодатель вправе устанавливать иерархию государственных, общественных или частных интересов в зависимости от цели правового регулирования. Данная цель должна быть четко обозначена и вытекать прежде всего из необходимости сохранения земли как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Принцип участия граждан и общественных объединений в решении вопросов, касающихся их права на землю, следует рассматривать как проявление публично-правовых начал в земельном праве и одновременно как гарантию обеспечения соблюдения законности в сфере реализации земельных отношений. Но при этом нельзя не отметить, что данное участие может быть продиктовано необходимостью обеспечения, как публичного (общественного), так и частного интереса. Важной формой реализации государственного интереса в земельном праве является определение основных направлений государственной земельной политики и созданию такого правового режима землепользования, который бы обеспечил ее эффективное использование и охрану, социальную справедливость при распределении земли, функционирование цивилизованного рынка земли.

Список литературы

1. Земельный кодекс РФ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
2. Градостроительный кодекс РФ // СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 16.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // РГ. 2015. № 140.
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.08.2019 по делу № А32-39779/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/skrL-ENf12qW1/>
5. Белоусов С.А. Соотношение публичных и частных интересов в земельном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 246-251.
6. Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве. М., 2003. С. 57.
7. Волков Г.А. Земельные сервитуты: развитие и проблемы гарантий прав. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. Кн.1. С. 219-236.
8. Евстегнеев В.А. Собственность на землю в фокусе интересов // Журнал российского права. 2004. № 8.
9. Кабанова И.Е. Сложности установления публичных сервитутов: муниципальный уровень // Местное право. 2018. № 5. С. 45.
10. Курбатов А.Я. Обеспечение баланса частных и публичных интересов – основная задача права на современном этапе // Хозяйство и право. 2001. № 6. С. 89.
11. Мисник Г.А., Мисник Н.Н. Мисник Г., Мисник Н. Публичные и частные интересы в экологическом праве // Государство и право. 2006. № 2.
12. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М, 1995. С. 55.
13. Тихомиров Ю.А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 200. № 4. С. 76.
14. Тотьев К.Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. 2002. № 9. С. 22.

Об авторе:

ВАСИЛЬЧУК Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2840-5509; e-mail: vasilchuk.74@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ И СУДА

А.В. Гайдашов, И.А. Толстова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация: В статье проанализированы проблемы ответственности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда с учетом проблем правоприменительной практики.

Ключевые слова: юридическая ответственность, моральный вред, государство.

С принятием действующей Конституции РФ государство закрепило за собой обязанность возместить вред в результате осуществления органами власти публичных функций. Однако практическое воплощение стало возможно только в 1996 году, в связи с принятием части второй Гражданского кодекса РФ. Именно это обстоятельство послужило началом формирования правоприменительной практики в сфере возмещения морального вреда.

Отношения ответственности государства за моральный вред, причиненный его органами и должностными лицами, обладают как специфическими чертами отношений ответственности за причиненный моральный вред, так и особенностями ответственности публично-правовых образований за вред, причиненный их органами и должностными лицами. К ним применимы как специальные нормы о компенсации морального вреда, так и специальные нормы об ответственности публично-правовых образований за вред, причиненный их органами и должностными лицами (ст. 1069, 1070 ГК РФ).

Даже в тех случаях, когда допущенное правонарушение затрагивает личные неимущественные права или причиняет потерпевшему лицу физические или нравственные страдания, применение гражданско-правовой ответственности будет означать присуждение потерпевшему лицу соответствующей денежной компенсации.

Ответственность публично-правовых образований за причинение вреда незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, является особым случаем ответственности публично-правовых образований за вред, причиняемый актами власти, и регулируется ст. 1070 ГК. Выделение рассматриваемого правонарушения в специальный деликт объясняется несколькими причинами.

Во-первых, органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда - это органы, исключительную компетенцию которых составляет расследование либо судебное разбирательство уголовных, а также административных дел. Необходимый признак, квалифицирующий этот специальный деликт - наличие причинно-следственной связи между действиями, входящими в исключительную компетенцию этих органов, и

причинением вреда. Во-вторых, государство стремится, прежде всего, возместить имущественный и моральный вред, который был нанесен гражданину или юридическому лицу незаконными актами уголовной или административной юстиции. Тем самым государство защищает свой статус стража законности, смягчает неизбежные для любого обладающего властью субъекта неблагоприятные проявления своей правоохранительной деятельности, создает определенный противовес власти правоохранительных и судебных органов. Этим государство показывает свою приверженность законности, гуманизму и справедливости, поскольку считается, что «нарушение справедливости оказывает негативное влияние на психику лица, порождая отчуждение, неуважение к закону и должностным лицам. Поэтому восстановление прав «жертв судебных ошибок» выступает также средством превенции неправомерных актов в будущем» [9, с. 32].

В соответствии с действующим законодательством предусмотрена компенсация морального вреда в отношениях ответственности государства за вред, причиненный правоохранительными органами правам граждан на свободу и личную неприкосновенность. Причем в соответствии со ст. 1070 ГК РФ в случае причинения вреда в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного приостановления деятельности, компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда. Если же вред причинен в результате другой деятельности, то его компенсация осуществляется на общих основаниях. В ГК РФ отношения по компенсации морального вреда входят в главу 59, регулируемую обязательства вследствие причинения вреда. В п. 1 ст. 1099 ГК РФ прямо предусмотрено, что основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными главой 59 и ст. 151 ГК РФ.

Хотя компенсация морального вреда является институтом гражданского права, но в силу межотраслевого характера института ответственности за вред, причиненный соответствующими органами, компенсационные способы восстановления нарушенных неимущественных прав содержатся и в уголовно-процессуальном законодательстве.

Уголовно-процессуальное законодательство вводит такие формы возмещения нарушенных неимущественных прав как официальное извинение прокурора, сообщение о реабилитации в средствах массовой информации и письменные сообщения о принятых решениях оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства [13, с. 50-52].

Официальное извинение прокурора было введено законодателем для опровержения сведений, порочащих честь и достоинство лица, подвергнутого незаконному уголовному преследованию. Представляется, что именно

посредством этой формы возмещения морального вреда государство признает судебную ошибку, которая явилась причиной нравственных страданий.

Однако в рамках правоприменительной деятельности многие лица, подвергнутые незаконному уголовному преследованию, ставили вопросы о замене такой формы возмещения морального вреда как официальное извинение прокурора на иную форму – денежную. В результате рассмотрения таких исков было сложена безапелляционная судебная практика об отказе в удовлетворении требований о замене официального извинения прокурора на денежную компенсацию. Суды, при рассмотрении исковых заявлений с такими требованиями отмечали, что именно этот вид возмещения морального вреда, в отличие от компенсации морального вреда в общепринятой денежной форме, защищает нарушенные нематериальные блага реабилитированного лица путем признания соответствующих действий государственного органа незаконными от имени государства. Замена официального извинения прокурора на денежную компенсацию, не указана в числе способов защиты гражданских прав, не относится к гражданско-правовым методам урегулирования спора о компенсации морального вреда. Думается, что вопросы денежной компенсации должны решаться в порядке предъявления соответствующих требований [7].

Вопросы о том, каким государственным органом должны быть принесены извинения, неоднократно поднимались законодателем, поскольку при незаконном уголовном преследовании, привлечении к уголовной ответственности вина должностных лиц органов дознания, и следствия, и прокуратуры, презюмируется [8, с. 47-50]. В 2013 году был внесен на рассмотрение законопроект, согласно которому обязанность по принесению извинений за причинение вреда, помимо прокурора возлагалась и на следственные органы, а именно, на руководителя следственного органа. Однако по состоянию на сегодняшний день этот законопроект не был утвержден, данный вопрос остается открытым и на сегодняшний день [3].

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ вопрос о том, каким именно прокурором приносится официальное извинение, остается открытым, поскольку при ведении дела не один прокурор участвует в стадии предварительного следствия, судебной стадии, а также при обжаловании приговора в вышестоящую инстанцию. Отсутствие законодательного регулирования этого вопроса было восполнено разъяснением Верховного Суда Российской Федерации, который отметил, что официальное извинения прокурора зависит от момента прекращения уголовного дела, той стадии, на которой уголовное преследование было закончено по реабилитирующим основаниям. Судом, таким образом, в зависимости от стадии прекращения уголовного дела возлагается обязанность принести извинение прокурором соответствующего уровня. Так Верховным Судом РФ было разъяснено, что конкретного прокурорского работника, обязанного принести извинение,

назначают Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры в зависимости от соответствующего уровня [1].

Помимо этого, пробелом законодательного урегулирования является отсутствие непосредственно самого порядка принесения извинений. Ответ на вопрос о процедуре реализации данной формы возмещения морального вреда отсутствует как в законодательных актах, так и в ведомственных нормативных актах. Конституционным Судом Российской Федерации по факту многочисленных жалоб был отмечен данный правовой пробел, а также необходимость разрешения этого вопроса по существу [2].

Только в 2013 году специальным указанием Генерального прокурора РФ [6], был разрешен вопрос о сроке направления извинения. Однако вышеуказанным ведомственным актом не были разрешены иные существенные вопросы – сам порядок, процедура, а также форма официального извинения прокурора.

Опровержение сведений в порядке ч. 3 ст. 136 Уголовно-процессуального кодекса РФ также достаточно не востребовавшая форма возмещения морального вреда, реализуется на практике посредством публикации информации об оправдании гражданина в тех же средствах массовой информации, в которых они были распространены.

Вопрос об отраслевой принадлежности порядка возмещения морального вреда лицам, имеющим право на реабилитацию, решается однозначно, поскольку и уголовно-процессуальным законодательством прямо предусмотрено, что неимущественные требования о возмещении нравственных и физических страданий должны быть предъявлены исключительно в порядке гражданского судопроизводства.

Многими правоведами неоднократно предлагалось отнести вопросы возмещения морального вреда, причиненного действиями органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, в рамки уголовного судопроизводства, поскольку рациональнее рассматривать в рамках уголовного судопроизводства и вопрос о реабилитации гражданина, и вопросы компенсации морального вреда [14, с. 213-221]. В качестве обоснования данной точки зрения приводились доводы о том, что лицам, пострадавшим от незаконных действий государственных органов причинены существенные нравственные страдания, их основные права и законные интересы нарушены, однако законодатель вынуждает пострадавших обращаться в судебные органы, иницируя гражданское судопроизводство.

Актуальным вопросом на сегодняшний день является оценка судом размера и степени нравственных и физических страданий, понесенных лицом, пострадавшим от государственных органов. Вопрос является насущным, самым сложным моментом в судопроизводстве. Определение размеров компенсации морального вреда при разрешении каждого конкретного спора производится с учетом установленных обстоятельств по внутреннему убеждению суда [10, с. 151-159], поскольку на сегодняшний день критерии дифференциации морального вреда отсутствуют.

Однако учеными неоднократно предпринимались попытки обобщить размеры компенсации морального вреда, степень нравственных страданий, испытываемых пострадавшими от незаконных действий соответствующих государственных органов, были разработаны и предложены различные методики определения степени нравственных страданий, размера компенсации морального вреда. К примеру, М.М. Громзин, указывая на потребность в единообразном подходе при определении размера компенсации, полагал возможным составить на законодательном уровне математические таблицы для определения размера, а также инструкции по всем категориям дел по требованиям о компенсации морального вреда [12, с. 50-52].

Одобрительно была воспринята цивилистами таблица размеров компенсации морального вреда, разработанная А.М. Эрделевским [16, с. 145].

Очевидно, что на законодательном уровне можно установить исключительно минимальный размер компенсации морального вреда с целью упорядочения существенных расхождений в определяемых судами размерах компенсации в зависимости от практики региона. Исходя из фактических обстоятельств дела, доказанности истцом степени нравственных страданий размер компенсации, как представляется, может и должен отличаться [11, 15].

Поэтому целесообразно установить минимальный размер компенсации морального вреда на законодательном уровне. Следует полагать, что расчет размера компенсации морального вреда должен исходить из международных стандартов [4, 5].

Нематериальные блага, хотя и являются наиболее значимыми и особо охраняемыми объектами гражданского права требуют восстановления их защиты в разумных пределах. Поэтому представляется необходимым установить срок давности требований о компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Думается, что применение положений срока исковой давности к указанным требованиям будет способствовать разумному, справедливому судопроизводству, ограничит число необоснованных исков.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии проблем, препятствующих осуществлять правоприменительную деятельность в силу отсутствия должного нормативного регулирования.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2011– 05 декабря; Российская газета. – 2013. – 05 апреля.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 г. № 758–О–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усолкина Виктора Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 136 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2011.23 июня.

3. О внесении изменения в статью 136 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации: проект федер. закона Рос. Федерации от 26 апреля 2013 г. № 268754 (ред. внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.04.2013) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>

4. Всеобщая декларация прав человека: декларация от 10 декабря 1998 г. // Российская газета. 1995. 05 апреля.

5. Международный пакт о гражданстве и политических правах: резолюция от 16 декабря 1966 г. № 2200 (XXI) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

6. Указание Генеральной прокуратуры от 03 июля 2013 г. № 267/12 «О порядке реализации положений части 1 статьи 136 Уголовно– процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс

7. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 16 февраля 2016 г. по делу № 33–1829/2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2021)

8. Барсукова В.Н. Понятие и виды способов защиты чести и достоинства личности в Российской Федерации // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 47 - 50.

9. Бойцова Л.В. Возмещение ущерба «жертвам правосудия» в России // Российская юстиция. 1994. № 6. С. 32.

10. Верещагина А.В. Определение размера компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 151 - 159.

11. Глазовский районный суд Решение от 25 ноября 2019 г. по делу 2–1745/2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudact.ru/> (дата обращения: 10.09.2021)

12. Громзин М.М. Новый вид морального вреда и метод определения размера его компенсации в денежной форме // Закон и право. 2002. № 5. С. 55.

13. Маркунин Р.С. Система юридической ответственности судебной власти // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 50 - 52.

14. Низамов В.Ю. Институт реабилитации в уголовном процессе: проблемы применения и перспективы развития // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3. С. 213 - 221.

15. Щелкинский городской суд. Решение от 20 августа 2019 г. по делу № 2–3467/2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudact.ru/> (дата обращения: 03.10.2021)

16. Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания. М.: ВЕК, 1998. С. 145.

Об авторах:

ГАЙДАШОВ Александр Васильевич – доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код автора: 8568-1770, e-mail: alex.gav63@yandex.ru

ТОЛСТОВА Ирина Александровна – доцент кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственной технический университет» (170024, г. Тверь, ул. Маршала Конева, 12), SPIN-код автора: 7456-2068, e-mail: i.tolstova2012@yandex.ru

ПРАВО НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация: В статье рассмотрены особенности реализации права на судебную защиту по гражданским делам в суде кассационной инстанции. Автором проведен анализ положений, регулирующих пересмотр в кассационном порядке в гражданском процессе, в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ о применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции.

Ключевые слова: право на судебную защиту, пересмотр судебных постановлений, кассационное производство.

Право на обжалование – это один из составных элементов права на судебную защиту, его надежная гарантия и условие реализации. Институт обжалования судебных постановлений рассматривается как гарантия законности и обоснованности судебных постановлений, а также гарантия прав и законных интересов участников процесса [4, с. 103 – 110].

Как отмечал Р.Е. Гукасян, конституционное право на судебную защиту, как и иное общее конституционное право гражданина, характеризуется особой значимостью, стабильностью, неотчуждаемостью, всеобщностью. Всеобщность права на судебную защиту состоит в том, что оно принадлежит каждому гражданину. Однако право это не безгранично [3, с. 3 – 13].

Глава 41 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) закрепляя процессуальные особенности пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, предусматривает положение о том, что суд кассационной инстанции осуществляет проверку законности вступивших в законную силу судебных постановлений, установления правильности применения и толкования норм материального права и норм процессуального права (ст. 379.6, 390.13 ГПК РФ).

Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», изменив порядок пересмотра дел в суде кассационной инстанции, закрепил двухуровневую систему пересмотра вступивших в законную силу судебных актов: в кассационном суде общей юрисдикции и в судебной коллегии Верховного Суда РФ [1].

Несмотря на то, что порядок рассмотрения дел в кассационной инстанции был изменен одновременно во всех трех процессуальных кодексах РФ (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ), максимального сближения и унификации структуры и процедур арбитражных судов и судов общей юрисдикции не произошло [5, с. 82 – 99].

Так, в гл. 41 ГПК РФ, регулирующей производство в суде кассационной инстанции, выделены два отдельных параграфа, закрепляющих порядок рассмотрения в кассационном суде общей юрисдикции и особенности производства в судебной коллегии Верховного Суда РФ. Представляется, что данный подход необходимо применить и в других процессуальных кодексах, разграничив тем самым компетенцию судов кассационной инстанции, и дополнив положениями соответствующие главы арбитражного процессуального законодательства и законодательства об административном судопроизводстве.

В 2020 г. Пленумом Верховного Суда РФ даны практически одновременно разъяснения арбитражным судам и судам общей юрисдикции по вопросам применения законодательства, возникающим при рассмотрении дел в суде кассационной инстанции [6,7]. В этом году в целях обеспечения единообразного применения и толкования судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции, принято постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (далее – постановление Пленума ВС РФ) [8].

По мнению Е.А. Борисовой, плюсами реформирования процессуального законодательства являются практическое воплощение идеи самостоятельности кассационной инстанции и создания кассационных судов общей юрисдикции; унификация норм процессуального законодательства о кассационном производстве; предоставление лицам, обращающимся за защитой своих прав в суд общей юрисдикции, таких же процессуальных гарантий права на судебную защиту, как и лицам, обращающимся за защитой прав в арбитражный суд; обеспечение действия принципов диспозитивности, состязательности в кассационном производстве в гражданском процессе. Минусами являются недостатки организационного характера, снижающие положительный эффект реформирования, вызывающие обоснованные опасения относительно снижения уровня гарантий допуска к правосудию, эффективности судебной защиты по гражданским делам. Наличие этих недостатков обусловлено главным образом слабой теоретической подготовкой проводимых мероприятий, поспешностью, «ведомственными» интересами, преследующими цель снижения судебной нагрузки [2, с. 21 - 41].

В постановлении Пленума ВС РФ, посвященном кассационному производству, нашли отражение многие вопросы, возникающие при применении положений гражданского процессуального законодательства, а также даны разъяснения нормам, которые закрепляют возможность судебного усмотрения.

Обращение в кассационный суд общей юрисдикции возможно, если лицами, участвующими в деле, и другими лицами, права и законные интересы которых нарушены судебными постановлениями, были исчерпаны иные установленные ГПК РФ способы обжалования судебного

постановления до дня вступления его в законную силу. Под иными способами обжалования судебного постановления суда первой инстанции в данном случае следует понимать обжалование его в апелляционном порядке (п. 3 постановления Пленума ВС РФ). При этом необходимо учитывать, что гражданское процессуальное законодательство не предусматривает возможность апелляционного обжалования отдельных судебных постановлений, однако они могут быть предметом рассмотрения в кассационном порядке. Например, в кассационный суд общей юрисдикции могут быть обжалованы: определение об утверждении мирового соглашения (ч. 11 ст. 153.10 ГПК РФ), судебный приказ (п. 1 ч. 2 ст. 377 ГПК РФ), определение по делу об оспаривании решения третейского суда (ч. 5 ст. 422 ГПК РФ), определение суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда или об отказе в выдаче такого исполнительного листа (ч. 5 ст. 427 ГПК РФ).

Кроме того, судебные постановления кассационного суда общей юрисдикции могут быть предметом рассмотрения и в судебной коллегии Верховного Суда РФ, за исключением определений, которыми не были изменены или отменены судебные постановления мировых судей или вынесенные по результатам их обжалования определения районных судов (п. 1 ч. 2 ст. 390.4 ГПК РФ).

В целях обеспечения доступности правосудия при обращении в суд кассационной инстанции установлено, что кассационные жалоба, представление подаются в кассационный суд общей юрисдикции через суд первой инстанции, который обязан их направить вместе с делом в соответствующий кассационный суд общей юрисдикции в 3-дневный срок со дня их поступления в суд (ч. 1 ст. 377 ГПК РФ). При этом, если гражданское дело принято к производству кассационного суда общей юрисдикции, иные лица, наделенные правом кассационного обжалования судебных постановлений по данному делу, вправе направить свои кассационные жалобу, представление непосредственно в кассационный суд общей юрисдикции (п. 7 постановления Пленума ВС РФ).

В постановлении Пленума ВС РФ (п. 21) даны разъяснения на случай, когда обжалованное в апелляционном порядке судебное постановление отменено, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции и суд приступил к его рассмотрению, а на апелляционное определение поданы кассационные жалоба, представление, то суд первой инстанции должен приостановить производство по делу и незамедлительно направить кассационные жалобу, представление вместе с делом в соответствующий кассационный суд общей юрисдикции.

Подготовку дела к судебному разбирательству осуществляет судья кассационный суд общей юрисдикции, который проверяет соблюдение порядка подачи кассационных жалобы, представления, требований, предъявляемых к их содержанию, а также извещает лиц, участвующих в

деле, о дате и времени судебного заседания кассационного суда общей юрисдикции (ст. 376 – 378.1 ГПК РФ).

Необходимо отметить, что порядок извещения лиц, участвующих в деле, о передаче кассационных жалобы, представления с делом для рассмотрения в судебном заседании судебной коллегии Верховного Суда РФ прописан в ст. 390.11 ГПК РФ. Представляется, что аналогичная норма должна быть закреплена и в отношении кассационного суда общей юрисдикции.

Если кассационные жалоба, представление поданы с нарушением требований, установленных ст. 378 ГПК РФ, судья кассационного суда общей юрисдикции единолично выносит соответствующее определение, в котором устанавливает срок для устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления их без движения (ч. 1 и 2 ст. 378.2 ГПК РФ). При этом, не могут являться основаниями для оставления без движения кассационных жалобы, представления недостатки и ошибки в оформлении жалобы, не препятствующие их рассмотрению в кассационном суде (например, грамматические и технические ошибки и опiski).

Очевидно, что обеспечению доступности правосудия в судах кассационной инстанции будет способствовать расширение возможностей применения «электронной» составляющей гражданского судопроизводства. Это касается и направления возражений на кассационную жалобу в электронной форме, и извещения участников процесса, и возможность участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи, и закрепление порядка направления участникам процесса судебных определений в форме электронного документа. Конечно, внесение этих изменений невозможно без решения организационно-технических вопросов всех уровней судов общей юрисдикции. Положительный эффект реформирования, повышение уровня гарантий доступа к правосудию и в целом эффективность судебной защиты по гражданским делам необходимо рассматривать с позиции «электронного» взаимодействия суда и лиц, участвующих в деле. Представляется, что этот вопрос должен найти отражение в постановлении о применении норм в суде кассационной инстанции.

В постановлении Пленума ВС РФ установлено, что предусмотренный 3-месячный срок подачи кассационных жалобы, представления в кассационный суд общей юрисдикции исчисляется со дня, следующего за днем принятия апелляционного определения или судебного постановления, обжалование которого в апелляционном порядке не предусмотрено ГПК РФ, и истекает в соответствующее число последнего месяца данного срока. При этом объявление в судебном заседании суда апелляционной инстанции только резолютивной части апелляционного определения и отложение составления мотивированного апелляционного определения на срок, который применительно к ч. 2 ст. 199 ГПК РФ не может превышать 5 дней, на исчисление сроков подачи кассационной жалобы не влияют, но могут учитываться при разрешении ходатайства об их восстановлении (п. 12).

Заявление о восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы подается одновременно с жалобой и рассматривается судьей соответствующего кассационного суда общей юрисдикции без проведения судебного заседания (ч. 3 ст. 112, ч. 3 ст. 376.1 ГПК РФ).

В постановлении Пленума ВС РФ подробно даны разъяснения о критериях определения уважительных причин пропуска срока подачи кассационной жалобы, а также о порядке принятия определения о восстановлении или об отказе в восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы (п. 13 – 16).

В целях обеспечения реализации конституционного права на судебную защиту, кассационный суд общей юрисдикции не может отказать лицам, обжалующим судебные постановления в кассационном порядке, в принятии дополнений к кассационным жалобе, представлению, содержащих новые доводы (суждения) по поводу требований, изложенных в кассационных жалобе, представлении, а также дополнений к кассационным жалобе, представлению, содержащих требования, отличные от требований, ранее изложенных в кассационных жалобе, представлении (например, обжалуется ранее не обжалованная часть судебного постановления). При принятии таких дополнений к кассационным жалобе, представлению суду кассационной инстанции необходимо с учетом мнения лиц, участвующих в деле и присутствующих в судебном заседании, обсудить вопрос о возможности рассмотрения кассационных жалобы, представления в данном судебном заседании или о необходимости отложения рассмотрения кассационных жалобы, представления с делом в судебном заседании и назначения новой даты и времени судебного заседания (п. 25 постановления Пленума ВС РФ).

При этом необходимо исходить из положения о том, что доводы лиц, участвующих в деле, касающиеся фактических обстоятельств, на которые такие лица ранее не ссылались, доводы, не подтвержденные имеющимися в деле доказательствами, кассационным судом общей юрисдикции отклоняются, на что указывается в определении кассационного суда общей юрисдикции в соответствии с ч. 2 ст. 390.1 ГПК РФ (п. 37 постановления Пленума ВС РФ).

Статья 379.6 ГПК РФ, закрепляя пределы рассмотрения дела кассационным судом общей юрисдикции, предоставляет право кассационному суду общей юрисдикции в интересах законности выйти за пределы доводов кассационных жалобы, представления. Таким образом, пределы кассационного обжалования связаны с судебным усмотрением. В постановлении Пленума ВС РФ даны разъяснения, что под интересами законности следует понимать необходимость проверки правильности применения и толкования норм материального права и норм процессуального права в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников гражданских, трудовых (служебных) и иных правоотношений, а также в целях защиты семьи, материнства, отцовства,

детства; социальной защиты; обеспечения права на жилище; охраны здоровья; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; защиты права на образование и других прав и свобод человека и гражданина; в целях защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц и публичных интересов и в иных случаях необходимости охраны правопорядка (п. 32). При этом, в определении кассационного суда общей юрисдикции должны быть указаны мотивы, по которым суд кассационной инстанции вышел за пределы доводов, содержащихся в кассационных жалобе, представлении (п. 8 ч. 1 ст. 390.1 ГПК РФ).

Интерес вызывает данное в постановлении Пленума ВС РФ разъяснение о применении оснований для отмены или изменения судебных постановлений. В частности, нарушение или неправильное применение норм материального права означает, что судебные инстанции в ходе предшествующего разбирательства дела сделали неправильный вывод о правоотношениях сторон, дали неправильную юридическую квалификацию спорных отношений и обстоятельств дела, неправильно определили закон, подлежащий применению, или неправильно его истолковали. Нарушение или неправильное применение норм процессуального права, которое привело или могло привести к принятию неправильных судебных постановлений, является основанием для их отмены или изменения судом кассационной инстанции только в том случае, если без устранения этих нарушений невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов заявителя. К таким нарушениям могут относиться: нарушение принципов состязательности и равноправия сторон, несоблюдение требований об оценке доказательств и т.п. О наличии несоответствия выводов суда, содержащихся в обжалуемом судебном постановлении, фактическим обстоятельствам дела, установленным судами первой и апелляционной инстанций, могут свидетельствовать противоречия между выводами о применении нормы права и установленными судами первой и (или) апелляционной инстанций фактическими обстоятельствами. При этом, суд кассационной инстанции вправе изменить правовую квалификацию отношений сторон, данную судами первой и (или) апелляционной инстанций, основываясь на установленных судами первой и апелляционной инстанций обстоятельствах (п. 34, 35).

ГПК РФ закрепляет положение о том, что кассационный суд общей юрисдикции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими и определять, какое судебное постановление должно быть принято при новом рассмотрении дела. Дополнительные доказательства судом кассационной инстанции не принимаются (ч. 3 ст. 390). Однако, если судами первой и (или) апелляционной инстанций допущены нарушения норм процессуального права при исследовании и оценке

доказательств (например, судебное постановление в нарушение требований ст. 60 ГПК РФ основано на недопустимых доказательствах), кассационный суд общей юрисдикции учитывает эти обстоятельства при вынесении кассационного определения (п. 37 постановления Пленума ВС РФ).

Кассационному суду общей юрисдикции надлежит принять новое судебное постановление, не передавая дело на новое рассмотрение в суд первой или апелляционной инстанции, если все юридически значимые для правильного разрешения дела обстоятельства установлены нижестоящими судебными инстанциями, но допущена ошибка в применении и толковании норм материального права (п. 5 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ).

В связи с тем, что рассмотрение дела в кассационном порядке осуществляется по правилам суда первой инстанции (с особенностями, установленными § 1 гл. 41 ГПК РФ), кассационный суд общей юрисдикции вправе:

1) в соответствии с гл. 14.1 ГПК РФ применить примирительные процедуры, сторонами может быть заключено мировое соглашение, в том числе и по вопросу распределения судебных расходов, понесенных в кассационном суде общей юрисдикции;

2) применить общие нормы о приостановлении и прекращении производства по делу, предусмотренные гл. 17 и 18 ГПК РФ;

3) по результатам рассмотрения дела в судебном заседании объявить только резолютивную часть своего определения, разъяснив, когда лица, участвующие в деле, их представители могут ознакомиться с мотивированным определением суда. При этом, объявленная резолютивная часть определения кассационного суда общей юрисдикции должна быть приобщена к делу (п. 43 постановления Пленума ВС РФ);

4) по своей инициативе или по заявлению лиц, участвующих в деле, исправить допущенные при изготовлении кассационного определения описки или явные арифметические ошибки (если они очевидны, их исправление не вызывает сомнения, не изменяет смысла и существа вынесенного кассационного определения), а также рассмотреть заявления лиц, участвующих в деле, о разъяснении кассационного определения.

При этом при рассмотрении дела кассационным судом общей юрисдикции не применяются, в частности, правила: о передаче споров на разрешение третейского суда; об изменении оснований или предмета иска, увеличении или уменьшении размера исковых требований; о замене ненадлежащего ответчика; о вступлении в дело третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора; о вступлении в дело (привлечении к участию в деле) третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора; о соединении и разъединении нескольких исковых требований; о предъявлении встречного иска; об обязательном ведении протокола судебного заседания (п. 28 постановления Пленума ВС РФ).

В заключение необходимо отметить, что разъяснения, данные в постановлении Пленума ВС РФ, позволили ответить на многие вопросы, возникающие в практике рассмотрения дел в суде кассационной инстанции,

но необходимость дальнейшего исследования эффективных средств защиты при пересмотре судебных постановлений, не вызывает сомнения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ) // СЗ РФ. 2018. № 49. Ст. 7532.

2. Борисова Е.А. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 21 – 41.

3. Гукасян Р.Е. Реализация конституционного права на судебную защиту // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту. Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1982. С. 3 – 13.

4. Жукова О.В. О некоторых вопросах реализации права на судебную защиту при пересмотре судебных постановлений // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 1. С. 103 – 110.

5. Судебная защита: новеллы и традиции в теории, законодательстве и правоприменении: монография / под общ. ред. Л. В. Тумановой. М.: Проспект, 2021. – 232 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2020. 17 июля.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2020. 20 июля.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (далее – постановление Пленума ВС РФ) // Российская газета. 2021. 2 июля.

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

О СЛОЖНОСОЧИНЕННОМ И МНОГОПОДЧИНЕННОМ КОНФЛИКТЕ ИНТЕРЕСОВ В СПОРАХ О ДЕТЯХ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация: Автор обращается к вопросу оснований и форм разрешения противоречий интересов родителей при осуществлении ими родительских прав, в том числе при расторжении брака. Исследуется вопрос соотношения интересов родителей и интересов ребенка в контексте возможных противоречий между интересами. Автор делает вывод о существовании конфликта интересов, предметом которого выступают интересы ребенка и их обеспечение.

Ключевые слова: *семейные правоотношения; интересы ребенка; противоречие интересов; споры о воспитании*

Споры, связанные с воспитанием детей, относятся к наиболее распространенной категории споров, возникающих из семейных правоотношений и составляющих предмет судебного разбирательства. Заметим, что ни Семейный кодекс Российской Федерации [2] (далее – СК РФ), ни правоприменитель на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации [4] (далее – Пленум ВС РФ) не устанавливают каких-либо ограничительных параметров по определению возможного перечня названных споров. Предпринятые в науке семейного права попытки классификации споров, связанных с воспитанием детей, также отличаются лишь перечнем критериев, учитывая которые можно установить несколько видов таких споров. Наиболее распространенным критерием выступает субъектный состав, с учетом которого различаются споры, возникающие между родителями ребенка, споры между родителями ребенка и третьими лицами, не исключены споры между ребенком и родителями (одним из них) и т.д.

При всем разнообразии споров, связанных с воспитанием детей, однозначно можно утверждать, что каждый из них имеет своей предпосылкой конфликт интересов соответствующих субъектов. Примечательно и то, что в рамках такого спора каждая из сторон, заявляя свои притязания в суде, апеллирует к интересам ребенка.

Традиционной для правоприменительной сферы в течение весьма продолжительного периода была следующая конструкция семейно-правового спора, связанного с воспитанием детей, при расторжении брака родителей: определение места жительства несовершеннолетнего ребенка с одним из родителей при расторжении их брака, а также определение порядка общения с ребенком того из родителей, который будет проживать отдельно от ребенка.

Позволим себе перефразировать классика: «О сколько нам конфликтов разных готовит лишь один развод в суде», и порассуждаем об интересах ребенка как ключевом понятии, заявляемом сторонами и иными лицами,

участвующими в деле, при рассмотрении судами споров, связанных с воспитанием ребенка.

Представляется, что основанием всех многочисленных споров выступает реальная или мнимая потребность родителей (одного из них) или других лиц в обеспечении интересов ребенка. Ведь законодатель в ст.65 СК РФ устанавливает правило для каждого из родителей: «Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей». Что включает в себя понятие «интересы ребенка», каким образом каждый из родителей должен заботиться об их обеспечении – поиск ответов на эти и другие вопросы привлекает внимание представителей не только юриспруденции, но и социологии, педагогики, психиатрии и других наук.

Говоря о правовом формате обеспечения интересов ребенка, необходимо отметить мнение Р.Е. Гукасяна, который разграничивал правовые (юридические) и охраняемые законом (законные) интересы: «Правовые и охраняемые законом интересы – не тождественные социальные явления, правовые категории. Различие их состоит в следующем. Правовые интересы являются одноплановыми с экономическими, политическими, духовными и иными интересами в том смысле, что все они формируются условиями общественной жизни и имеют свои специфические средства удовлетворения. Охраняемыми законом могут быть любые по своему содержанию интересы, если государство с помощью правовых средств гарантирует их реализацию» [7, с.116].

Таким образом, интересы ребенка являются охраняемыми законом, поскольку государство гарантирует их реализацию и обеспечение в семье при осуществлении родителями своих прав и обязанностей (родительских прав).

Итак, все деяния, совершаемые родителями в плоскости воспитания, содержания, образования ребенка, не могут противоречить его интересам. Согласимся, как правило, вопросы, связанные с воспитанием ребенка, возникают при раздельном проживании его родителей, как состоящих, так и никогда не состоявших в браке между собой; при расторжении брака родителей и определении места жительства ребенка с одним из них, а также позже, когда возникает спор об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка.

В рамках настоящей статьи не предполагается исследование теоретических и практических проблем, возникающих в подобных ситуациях. Полагаем необходимым обратить внимание на конфликт интересов, взаимосвязь и взаимообусловленность интересов всех субъектов семейного правоотношения.

Примечательно, что судебное разбирательство при наличии спора родителей сопряжено и с установлением публичного интереса, выражаемого представителями органов опеки и попечительства. В частности, при разрешении спора родителей об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка с одним из них после расторжения брака в качестве одного

из доказательств рассматривается акт обследования условий жизни каждого из родителей, составленный сотрудниками органа опеки и попечительства.

Судебной практике известны случаи, когда каждый из родителей использует все имеющиеся возможности, дабы обеспечить место проживания ребенка с ним. При такой повышенной степени активности иногда интересы ребенка остаются в стороне, имея лишь значение формального показателя. Фактически же превалируют интересы соответствующего родителя, но при этом формально преимущество этого родителя может быть подтверждено в акте обследования условий его жизни.

Пленум ВС РФ в постановлении от 27 мая 1998 года № 10 подчеркивает, что «само по себе преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения требований этого родителя», суд принимает во внимание все обстоятельства, «характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей».

В соответствии со ст. 65 СК РФ, если по поводу места жительства детей между родителями есть спор, он разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. Таким образом, законодатель указывает на два фактора, наличие которых предполагается одновременным, однако интересы детей имеют безусловный характер, в то время как мнение их только лишь учитывается. Вполне объяснимо, ведь согласно ст. 57 СК РФ следует обязательно учитывать мнение ребенка десяти лет и старше, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам.

Следовательно, суд, разрешая вопрос об определении места жительства ребенка с одним из родителей, должен не только выяснить мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, но и оценить его с точки зрения интересов несовершеннолетнего, а именно – нет ли противоречий.

Некая пикантность ситуации может иметь место при рассмотрении спора родителей, ребенок которых достиг возраста четырнадцати лет. Ранее автор уже обращался к этому вопросу: согласно ст. 20 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ) местом жительства несовершеннолетних, не достигших возраста четырнадцати лет, считается место жительства их законных представителей (родителей, усыновителей, опекунов). Поскольку иные указания отсутствуют, в отношении несовершеннолетних старше этого возраста применяются общие правила, и местом жительства признается место, где они постоянно или преимущественно проживают. В связи с этим не исключена ситуация, когда подросток выскажет мнение о намерении жить не с родителями, а с другими лицами, например, с бабушкой.

Какое решение может и должен принять суд в данном случае? Значит ли, что высказанное ребенком мнение противоречит его интересам? Вполне возможно, но не стоит исключать и противоположный вариант, поскольку условия отдельного проживания с обоими родителями могут в большей степени соответствовать интересам ребенка.

Реализуя преимущественное право перед всеми третьими лицами на воспитание ребенка, родители вправе требовать возврата ребенка от любого лица, которое удерживает ребенка у себя не на основании закона или судебного решения. Однако суд вправе с учетом мнения ребенка отказать в удовлетворении такого иска родителей (одного из родителей), если придет к выводу, что передача ребенка не отвечает интересам ребенка (п.1 ст.68 СК РФ).

Иначе говоря, при рассмотрении спора об определении места жительства ребенка с одним из родителей суд вполне может отказать в удовлетворении требований каждого из родителей исходя из интересов ребенка. При этом, если ребенок уже достиг возраста четырнадцати лет, то он самостоятельно осуществляет выбор места своего жительства. Если же ребенок еще не достиг указанного возраста, очевидно, он должен быть передан на попечение органа опеки и попечительства с тем, чтобы наделить лицо, у которого находится ребенок, соответствующими полномочиями.

Как видим, интересы одного из родителей, в равной степени как и интересы обоих родителей, могут быть ограничены судом в реализации и обеспечении, поскольку удовлетворение заявленных требований не отвечает интересам ребенка.

Считаем важным обратить внимание на используемые законодателем конструкции «противоречит интересам ребенка», «не отвечает интересам ребенка». Речь идет именно о требовании, которое содержится в соответствующем заявлении родителей (одного из них). В связи с этим полагаем некорректным разъяснение Пленума ВС РФ, содержащееся в п.6 постановления от 27 мая 1998 года. В ст. 68 СК РФ предусматривается, что суд вправе отказать в удовлетворении иска, если придет к выводу, что передача ребенка родителям «не отвечает интересам ребенка», Пленум же ВС РФ говорит «противоречит интересам несовершеннолетнего».

Представляется, что тождество здесь отсутствует. «Не отвечает», то есть не соответствует, возможно, что необходимы дополнительные условия, меры и т.п. для полного соответствия. Противоречие же означает категоричное несоответствие, наличие противоположного тому, что ожидается или требуется.

Весьма важным, на наш взгляд, обстоятельством выступает и то, что возможны противоречия в интересах родителей (одного их них) и интересах ребенка.

Согласно п. 2 ст. 64 СК РФ родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия (курсив мой – О.И.).

Примечательно, именно между интересами противоречие. Возникает вопрос, каким образом именно орган опеки и попечительства может выявить и зафиксировать наличие противоречия между интересами ребенка и интересами его родителей (одного из них)? Учитывая спорный характер подобной ситуации, очевидно, что вопрос констатации должен находиться в поле зрения суда, а не органа опеки и попечительства.

Более того, здесь же законодатель предписывает: «В случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей». Разногласия между родителями и детьми могут возникать по поводу чего угодно, например, выбора вида спорта или музыкального инструмента, но это же не всегда есть противоречие интересов родителей и интересов ребенка! Если по факту каждого разногласия орган опеки и попечительства будет назначать представителя, родительский авторитет будет полностью разрушен.

На наш взгляд, авторы соответствующей нормы исходили все-таки именно из возможного конфликта интересов при явном проявлении противоречия. Апеллируя к п.1 ст.65 СК РФ можем однозначно утверждать, что именно при противоречии интересов родителей интересам ребенка есть все основания для назначения ребенку представителя. Полагаем, что таким представителем в силу возложенных на него полномочий должен быть орган опеки и попечительства, по инициативе которого впоследствии могут быть заявлены требования об ограничении или о лишении родителей (одного из них) родительских прав.

Яркой демонстрацией вышеизложенного может быть справедливо отмененное решение Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края от 6 февраля 2019 года [5]. Суть дела такова: Афанасьев П.А. обратился к Афанасьевой О.В. с иском о расторжении брака и определении места жительства несовершеннолетнего ребенка с матерью, ответчица же представила встречный иск об определении места жительства несовершеннолетней дочери с отцом. Орган опеки и попечительства представил заключение, в котором указывает на возможность определить место жительства несовершеннолетней с отцом по месту проживания ответчика Афанасьевой О.В., что и легло в основу решения суда.

И только Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отметила: суд не принял во внимание категорические возражения ответчицы – матери несовершеннолетней против проживания дочери с ней и возражения отца несовершеннолетней – истца по данному делу против определения места жительства дочери с ним по причине создания новой семьи, в которой ожидается рождение ребенка.

Заметим, оба родителя не просто заявили о необходимости определения места жительства ребенка с другим родителем, но и возражают против проживания несовершеннолетней дочери с каждым из них.

Налицо противоречие интересов каждого из родителей и интересов их несовершеннолетней дочери, что, к сожалению, осталось за пределами внимания органа опеки и попечительства и суда первой инстанции.

Анализ материалов судебной практики по спорам родителей, связанным с определением порядка общения с ребенком родителя, проживающего отдельно, позволяет сделать такой же вывод – родители озадачены исключительно своими интересами и установлением механизма их обеспечения, удобного для каждого из них. График встреч с ребенком, место встречи и

т.п. определяют родители по своему усмотрению, при этом зачастую не соотносят это с изменением возрастных предпочтений ребенка. Ребенок в подобных ситуациях выступает как объект соответствующей договоренности родителей, при этом график и режим общения устанавливается до достижения ребенком возраста восемнадцати лет.

Более того, предлагаемые иногда графики общения по своей сути подменяют периодическую смену места жительства ребенка, что вряд ли соответствует его интересам.

Так, Тимашевский районный суд Краснодарского края 8 декабря 2017 года вынес решение об определении места жительства несовершеннолетнего (возраст – 1,5 года) с матерью, утвердив предложенный отцом график общения с ребенком.

Полагаем уместным привести некоторые предложения отца ребенка: отец вправе проводить с ребенком любые четыре дня недели по своему выбору с 9 до 21 часа каждую неделю без присутствия матери; по достижению ребенком двухлетнего возраста отец вправе еженедельно оставлять ребенка на две любые ночи; с летнего периода 2018 года отец вправе проводить с ребенком любой один месяц по своему выбору для отдыха.

При рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции органом опеки и попечительства было представлено заключение, в соответствии с которым такой график является недопустимым форматом опеки, поскольку ведет к формированию двойственного восприятия ребенком реальности, к двойным стандартам, лишает ребенка чувства «настоящего дома», создает невротогенную ситуацию для ребенка. Однако данное заключение не получило правовой оценки суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ определила соответствующие судебные акты в части определения порядка общения отменить [6].

Ранее озвученные автором настоящей статьи тезисы об иерархии интересов в семье и проблеме гармонизации частных и публичных интересов в семейных правоотношениях могут быть дополнены суждениями о взаимосвязи не только интересов, но и возникающих конфликтов.

Безусловно, при осуществлении родительских прав и обязанностей родители должны руководствоваться интересами детей, но объективно не могут игнорировать и собственные интересы. Органы опеки и попечительства, суд при разрешении споров и разногласий, возникающих между родителями (п.2 ст.65 СК РФ), реализуют публичный интерес, который в результате конституционной поправки звучит весьма однозначно: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» (ст.67.1 Конституции Российской Федерации [1]).

Конфликт в сфере воспитания ребенка, в том числе определения места его жительства и порядка осуществления родительских прав каждым из родителей есть не что иное как способ разрешения противоречий, прежде

всего, в интересах родителей. Органы опеки и попечительства, суд, рассматривая разногласия и споры, основанные на подобных конфликтах, руководствуются интересами ребенка. Именно поэтому, на наш взгляд, можно утверждать о наличии одного конфликта на уровне охраняемых законом интересов, о сложном его содержании и структуре, который разрешается органами публичной власти исходя из интересов ребенка.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета от 25 декабря 1993 г. N 237
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. N 1 ст. 16
3. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // Российская газета от 8 декабря 1994 г. N 238-239.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года №10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. №44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» //СП «КонсультантПлюс»
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2020 года, №18-КГ19-166
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2019 года, дело № 18-КГ18-223.
7. Гукасян Р.Е. Правовые и охраняемые законом интересы // Сов.государство и право. 1973. №7. С.116.

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386 e-mail: Pina.OY@tversu.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация: В статье исследуются некоторые вопросы определения международной подсудности по законодательству РФ. Судебная практика зачастую указывает на отсутствие единого представления о принципах определения международной подсудности. Арбитражное процессуальное законодательство оперирует понятием «тесная связь». Важное значение имеет соблюдение порядка рассмотрения дел с участием иностранных лиц по правилам международной подсудности с перспективой исключения «конфликта юрисдикций», и как следствие, недопущения произвольного ограничения права на судебную защиту.

Ключевые слова: международная подсудность, способы определения международной подсудности, принцип тесной связи, договорная подсудность, конфликт юрисдикций.

Основными источниками правового регулирования международной подсудности в законодательстве Российской Федерации являются ГПК РФ и АПК РФ. Способы определения международной подсудности, а также некоторые иные аспекты юрисдикции арбитражных судов и общих судов по рассмотрению дел с участием иностранных лиц отличаются и требуют особого анализа.

Под международной подсудностью принято понимать компетенцию судов определенного государства рассматривать гражданско-правовые споры трансграничного характера. Компетенция судов общей юрисдикции и арбитражных судов преимущественно основана на территориальном признаке, то есть критерии места жительства/места нахождения ответчика (адрес ответчика).

Так, в случае, если иное не установлено главой 44 ГПК РФ подсудность дел с участием иностранных лиц определяется по правилам главы 3 Кодекса. Общее правило международной подсудности заключается в предъявлении иска по месту жительства гражданина-ответчика или месту нахождения организации-ответчика (ст.204 ГПК РФ). Также, в соответствии с п.1 ч.1 ст. 247 АПК РФ арбитражные суды в РФ рассматривают дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, с участием иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность в случае, если: ответчик находится или проживает на территории РФ либо на территории РФ находится имущество ответчика [1].

Однако международная процессуальная юрисдикция строится не только на территориальном принципе, и зачастую используются: признак гражданства, место нахождения имущества (как указано выше в п.1 ч.1.

ст.247 АПК РФ), место исполнения обязательства, место совершения деликта и др. В частности, в соответствии со ст. 402 ГПК РФ суды РФ вправе рассматривать дела с участием иностранных лиц в случае, если по делу о расторжении брака истец имеет место жительства в РФ или хотя бы один из супругов является российским гражданином. Или, например, когда иск вытекает из договора, по которому полное или частичное исполнение должно иметь место или имело место на территории РФ. В свою очередь АПК РФ закрепляет компетенцию арбитражных судов РФ по рассмотрению трансграничных споров, если, к примеру, требование возникло из причинения вреда имуществу действием или иным обстоятельством, имевшим место на территории РФ, или при наступлении вреда на территории РФ (признак места совершения деликта). Случаи, упомянутые в ст.247 АПК РФ, не являются исчерпывающими и дополняются правилом о наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ. Представляется, что это дает широкие полномочия судам РФ по рассмотрению международных споров. Суть действия принципа тесной связи в российском арбитражном процессе заключается в том, что суд устанавливает в каждом конкретном случае только наличие собственной компетенции, закрывая глаза на иностранные правовые системы.

Некоторые категории дел могут быть рассмотрены исключительно на территории РФ. По ст. 403 ГПК РФ к исключительной подсудности судов РФ относятся: 1. Дела о праве на недвижимое имущество, находящееся на территории РФ; 2. Дела по спорам, возникающим из договоров перевозки, если перевозчик находится на территории РФ; 3. Дела о расторжении брака российских граждан с иностранными гражданами или лицами без гражданства, если оба супруга имеют место жительства в РФ. Некоторые категории дел особого производства также отнесены к исключительной подсудности РФ. Ст. 248 АПК РФ в свою очередь называет дела, относящиеся к исключительной компетенции российских арбитражных судов.

По делам с участием иностранных лиц стороны вправе договориться об изменении подсудности дел. Дерогационным соглашением исключается дело из компетенции суда данного государства, хотя оно подсудно именно ему по национальным законам и передается на рассмотрение суду иностранного государства [2]. Пророгационным соглашением устанавливается подсудность дела суду государства, которому по общим правилам определения компетенции оно неподсудно.

Поскольку нет единой системы правил государств по определению международной подсудности, может возникнуть, так называемый в науке, «конфликт юрисдикций», когда суды разных государств компетентны рассматривать один и тот же спор. Выход из подобных ситуаций обозначен в положениях ст. 406 ГПК РФ и ст.252 АПК РФ. Смысл этих норм сводится к тому, что суды РФ прекращают производство по делу, если имеется решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же

основаниям, принятое иностранным судом. А если в иностранном суде ранее было возбуждено дело по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, суд возвращает исковое заявление или оставляет без рассмотрения. Проблема наличия процесса по одному и тому же делу в арбитражном суде РФ решается также при условии, что рассмотрение данного дела не относится к исключительной компетенции арбитражного суда РФ, более того, если решение иностранным судом уже вынесено, то также учитывается исключительная компетенция российского суда или в принципе возможность признания и приведения в исполнение иностранного решения на территории РФ. Это означает, что арбитражный суд примет к производству такое дело, если установит обстоятельства, служащие отказом в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда на территории РФ.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
2. Международный гражданский процесс и международный коммерческий арбитраж: учебник / С.В. Николюкин. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2017. С. 39.

Об авторе:

КРУСС Ирина Александровна - кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

КОНФЛИКТ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ СДЕЛОК С АКЦИЯМИ

А.Н. Левушкин

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (РГУП)

Аннотация: Категория конфликта интересов в плоскости акционерных правоотношений традиционно проявляется в разногласиях между мажоритарными и миноритарными участниками, которые принимают различные формы. Каждый из них может иметь разное представление о политике ведения бизнеса, управлении организацией, разную заинтересованность в продолжение общего дела и прочее. Конфликт интересов при проведении сделок будет всегда, потому каждый из участников такой сделки преследует исключительно личный интерес в увеличении собственной выгоды.

В статье определены некоторые актуальные вопросы конфликта прав и интересов при совершении сделок с акциями, сформулированы выводы и отдельные предложения.

Ключевые слова: конфликт, защита прав, интересы, сделки, акция, акционерные правоотношения.

Для надлежащего рассмотрения правового феномена конфликта интересов, прежде всего, необходимо дать определение понятию «интерес», а также описать правовую связь с термином «конфликт». Поскольку исследование поставленного вопроса происходит в плоскости корпоративного права, то и содержание интереса следует трактовать именно как корпоративно - правовой термин, буквально как нечто, что выступает мотиватором действий акционера, которые направлены на получение нужного результата.

В доктрине обоснованно определено, что категория интереса имеет также большое значение практически для всех общественных наук: философии, педагогики, психологии, юриспруденции, социологии и др. Разноотраслевой подход к изучению того или иного вопроса обуславливает и различное смысловое наполнение рассматриваемого понятия [6, с.9]

Большие изменения произошли в правовом регулировании сферы гражданского оборота, современное корпоративное и гражданское право и законодательство направлены на создание и обеспечение равных экономических условий и возможностей для всех участников гражданского оборота, на защиту частных интересов лиц и организаций, на установление упорядоченных общественных отношений в сфере экономического оборота и предпринимательской деятельности [9, с.152]

Среди современных исследователей, темой научного исследования которых стало изучение категории интереса, можно упомянуть диссертационные работы М.А. Мазо и В.И. Малкиной, где, однако, не приводятся иные

классификации по отношению к природе интереса, но существуют различия позиций, приведенных выше ученых [10, с.25].

Полагаем, что наличие интереса в системе акционерных отношений исходит из первоочередного желания лица быть субъектом таких правоотношений. Осуществляя акционерную деятельность, участник хоть и не является предпринимателем, однако наделен особыми правами для систематического извлечения прибыли [4], предоставляемые пакетом акций, исключительно после приобретения статуса акционера. Следовательно, субъективное отношение лица к возникновению у него прав и обязанностей участника, а также, будущего интереса быть таким участником компании - здесь является первостепенным. То есть сам конфликт интересов между акционерами возможен только между лицами, которые имеют такой статус, полученный добровольно и с четким осознанием всех правовых последствий приобретения оно.

Несмотря на широкую возможность разграничения интереса по разным основаниям, в рамках настоящей работы предлагается рассматривать именно имущественную заинтересованность собственника акций. Во – первых, желание получать прибыль является закономерным результатом обладания известной совокупностью прав [12, с. 27]. Во – вторых, согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ [1] акции являются ценными бумагами, которые предоставляют владельцу право на получение части прибыли общества и на часть имущества при ликвидации [3]. То есть в самом правовом определении есть указание на возможность получения имущественного результата, который возникает в процессе участия. Имущественная выгода от владения акциями определяется в качестве первичного признака акции как корпоративной ценной бумаги.

Полагаем, что интерес – это фокус внимания лица на удовлетворение личной потребности в получении экономической выгоды, которые может проявляться в зависимости от субъекта. Интересом акционера является извлечение имущественной выгоды путем участия в акционерном обществе при помощи субъективных прав участника. Интерес общества совпадает с интересом акционера до того момента, пока в организации существует согласованность действий участников. При несогласованности возникает конфликт интересов.

Учитывая то, что имущественный аспект является основополагающим механизмом формирования поведения акционера, нужно помнить, что комплексность внутрикорпоративных отношений указывает на многогранность природы возникновения предмета исследования.

Исходя из направления вектора рассмотрения определенной ситуации, в которой присутствует феномен конфликта интересов, можно дать различную характеристику описываемого процесса. То есть мотив поведения будет всегда одинаковый, в то время как конкретные действия, переносящие конфликт интересов в практическую плоскость, могут принимать разнообразные формы.

К примеру, при консолидации акций в руках сверхмажоритария путем обязательного предложения налицо желание единоличного управления в корпорации. Конечно же, здесь можно говорить о разнообразных бизнес - целях, которые преследует акционер, или рассуждать о необходимости законодательного регулирования подобных вопросов, однако на деле мы сталкиваемся именно с имущественной концентрацией активов в руках одного лица. В такой ситуации прибыль, такого лица, возрастает. Даже если вытеснение миноритариев прошло «по закону», пакеты акций были выкуплены по рыночной цене, то при высокой прибыльности предприятия, последующая выручка легко покрывает убытки, понесенные поглотителем, поскольку собственник теперь один. В этом случае конфликт интересов состоит в том, что мажоритарий настроен на единоличное управление, которое в свою очередь ведет к единоличному владению, а миноритарий на сохранение своих прав, но в обоих случаях решается вопрос улучшения или сохранения их имущественного состояния.

С другой стороны, рассмотрим ситуацию нарушения прав участия путем применения недобросовестной схемы. Допустим, что акционер через подконтрольный менеджмент одобрил и осуществил сделку по переводу на ранее созданное дочернее общество основной компании некий ликвидный актив. Новое общество ведет успешную хозяйственную деятельность, выручка переходит в головное общество и, казалось бы, что нет никакой разницы, с какого корпоративного этажа текут денежные потоки. Но затем выясняется, что одним из участников дочернего общества вдруг является аффилированное с мажоритарным акционером лицо. Очевидно, что один участник становится собственником больших активов, чем он был, а следом и выгодоприобретателем больших экономических благ.

Несмотря на существующие предложения упразднить институт дробных акций, которые аргументированы, в том числе их "вредоносностью" для корпоративной практики, законодатель не отменяет его. Вследствие чего нет оснований предполагать, что у акционеров-наследников в настоящий момент есть какие-либо ограничения использовать механизм образования дробных акций [8].

Практически, любое корпоративное действие можно связать с риском для имущественного положения участника. Деятельность по участию в обществе, как уже было сказано ранее в работе, не относится к предпринимательской, однако носит рискованный характер. Будет ли верным утверждать, что акционер постоянно несет риск нарушения своих интересов? Получается, что да. Так, при отсутствии каких – либо действий с его стороны, в условиях личной заинтересованности исключительно в увеличении дохода, каждый из участников посчитает правильным присвоить чужое, если это экономически оправдано и не сопряжено с риском.

В таких межакционерных отношениях, учитывая первостепенный экономический аспект, именно наличие правового регулирования предоставляет возможность исследовать конфликт интересов.

Право выступает неким ограничителем естественного капиталистического желания лица удовлетворить собственные экономические капризы, желательно при этом, уменьшив долю, которую придется разделить с другими. Здесь и приходят на помощь нормы законодательства, направленные на обеспечение юридического равенства, путем защиты интересов всех участников, а также закрепляют конструкцию независимости юридического лица для дополнительного барьера к реализации собственного интереса любыми способами. Кроме того, «основной» принцип корпоративного права – подчинение меньшинства большинству [5], фактически выполняет правоохранительную функцию.

В корпоративных отношениях важная роль принадлежит органам нотариата. Обеспечивая законность совершаемой сделки, нотариус должен удостовериться в том, что условия соглашения отвечают интересам граждан, в том числе – ребенка [7, с. 20].

Конечно, в корпоративном праве существует большой инструментарий защиты интереса участия, вплоть до оспаривания решений собрания или признания таких собраний недействительными. Однако, в контексте рассматриваемого диссертационного вопроса, главным является именно имущественный интерес участников. Акционеры обратятся в суд ни для того, чтобы восстановить справедливость в случаях нарушения права голоса, а для восстановления надлежащего имущественного положения или же для минимизации угрозы такому положению. В условиях, когда основной целью деятельности является извлечение и последующее увеличение прибыли, каждый участник такой экосистемы первостепенно будет преследовать личную выгоду.

– интерес в рамках акционерного общества возникает, когда присутствует следующие элементы:

- имеющий особый статус субъект (акционер);
- настроенный на получение имущественной выгоды (может приобретать любую форму, в том числе совершенно законного корпоративного действия);
- в плоскости участия в компании;
- при помощи акционерных прав.

Данный вывод относится, прежде всего, к непосредственным собственникам акций, однако важно отметить и то, что дискуссионный вопрос имеет место быть именно в акционерном обществе. Поскольку юридическое лицо, согласно ГК РФ, обладает правоспособностью, то из этого логически вытекает и то, что у корпорации также может быть свой собственный интерес.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
3. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39 «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 22 апреля 1996 г. № 17. ст. 1918. Акция – эмиссионная ценная бумага, закрепляющая права ее владельца (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивиденда, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, оставшегося после его ликвидации. п. 10 ст. 2
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2010 г. №11 – П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.И. Гущина // Доступ из справочной системы «КонсультантПлюс».
5. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). Дис. ... д.ю.н. Чебоксары. 1942.
6. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
7. Ильина О.Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // Нотариус. 2019. № 3. С. 18 - 21.
8. Левушкин А.Н., Бабич М.И. Наследование дробных акций: теория и практика применения // Наследственное право. 2018. № 2. С. 10 - 14.
9. Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. 2020. № 2. С. 150 - 166.
10. Мазо М.А. Конфликт интересов в акционерном обществе (гражданско-правовой аспект): Дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2015.
11. Малкина В.И. Конфликт интересов в юридических лицах. Дис. ... к. ю. н. М., 2021.
12. Тарасов И.Т. Имеется в виду «Акция». Учение об акционерных компаниях. К. Типография Завадского. 1878. С.27.

Об авторе:

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия (г. Москва).
e-mail: lewuskin@mail.ru

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА РАСПОРЯЖЕНИЕ СВОИМ ТЕЛОМ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Е.А. Рязанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация: Статья посвящена достойному отношению к воле человека при распоряжении им собственным телом после наступления смерти и правовым основам такого волеизъявления в случаях иного распоряжения, чем захоронение, в Российской Федерации.

Ключевые слова: *смерть, достойное отношение к воле умершего, соматические права, тело умершего, кадавр, крионика, использование тела в научных, медицинских, просветительских целях.*

Достойное отношение к телу умершего человека в специальной литературе рассматривается с различных позиций. В большинстве работ исследуются вопросы, организации похоронного дела, оказания услуг по захоронению, связывая это с исполнением воли умершего, высказанной при жизни в отношении собственного тела [5]. Авторами публикаций данное волеизъявление относится к одной из составляющих конституционного права на достоинство личности. Охрана человеческого достоинства, согласно ст. 21 Конституции Российской Федерации, возложена на государство. Широта взглядов на понятие «достоинство человека» веками формировалась в обществе. Хочется обратиться только к одному из аспектов, который по большинству мнений, высказанных исследователями, является составляющим элементом этого емкого понятия. Это отношение к телу человека с позиции его принадлежности и возможности распоряжения им, в том числе и после окончания жизни. «Достоинство человека является универсальным понятием, которое не зависит от национальной принадлежности, пола, расы, вероисповедания» - пишет Д.Г. Василевич; следовательно, оно должно быть обеспечено и после его смерти.

Согласно «Единому плану Правительства по достижению национальных целей развития России на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» [10], общая численность населения России по итогам 2021 года сократится на 535 500 человек, а в 2022 году — еще на 533 400 человек. По итогам прошлого года население России впервые за 17 лет сократилось на 577 600 человек. Эти данные разнятся с данными Росстата, которые показывают, что с января по август 2021года естественная убыль населения ускорилась почти в два раза, до 595 300 человек. За тот же период прошлого года естественная убыль составила 346 900 человек. Смертность за восемь месяцев 2021 года выросла на 18,5% в годовом выражении. Смертность растет в период пандемии короновирусной инфекции. Осознание внезапной и скорой смерти может привести к осознанию значения каждого человека для общества. И как следствие, осознанию возможной полезности для общества как самого человека, так и его тела после смерти.

Благодаря ученым В.И. Круссу [7], М.А. Лаврику [8], посвятившим свои теоретические новеллы соматическим правам человека, сейчас уже не вызывает сомнений актуальность осмысления этих прав в парадигме конституционно-правового статуса личности. Развитие отраслевых наук, внедрение передовых технологий не только в процессы промышленного производства, но и в повседневную жизнь, утилитарное применение, порождают новые возможные варианты распоряжения человеком собственным телом.

Различные сайты, публикаторы «блогов», информационные интернет-источники поднимают тему распоряжения телом человека после его смерти. Авторы приводят различные обоснования «нужности» тел для проведения опытов в медицинских целях, обучения студентов, трансплантации частей или тканей тела (сухожилий, сосудов, рогаговицы и др.). Наряду с названными появляются и новые. Так, например, в США, Канаде, Австралии позиционируется важность передачи тела в научных целях для использования на так называемых «фермах тел». Университет Теннесси первым запустил программу USF-FORT для обучения студентов и сотрудников правоохранительных органов методам поиска тайных захоронений, раскопок могил и обработки места преступления на открытом воздухе. Только в США 7 таких ферм. В Канаде учреждения судебной антропологии могут получить доступ к телу, когда человек решил пожертвовать свое тело и подписал форму, чтобы гарантировать выполнение его желания после смерти [11]. Кадавры должны соответствовать определенным требованиям. Так, например, в Европе это удовлетворительное состояние здоровья при жизни; отсутствие инфекционных заболеваний; отсутствие лишнего веса; естественная причина смерти (не насильственная смерть); отказ от вскрытия в морге [12].

Человеческие тела, как упоминается в новостных публикациях, могут использоваться в краш-тестах, поскольку выводы с тестами дают более корректный результат и помогают создать разработки защиты человеческого тела при ударах о предметы транспортного средства или перемещении человека в нестандартной ситуации внутри автомобиля [13]. Здесь и уместен вопрос о возможности человека распорядиться своим телом в интересах общественной пользы. Это явление названо в ряде источников как «посмертная благотворительность». О посмертной благотворительности в научно-популярном аспекте пишут о фактах передачи тел в специальные музеи, такие как музей антропологии Максвелла [14], музей Муттера в Филадельфии [15], музей пластикации при Гейдельбергском Университете (выставка которого в настоящее время проходит в Москве) [16] и т.п. В США есть так называемое брокерство, когда специальной компании делегируется право распоряжаться частями тела для различных целей (как правило, трансплантационных, обучающих, исследовательских) [17].

О.Э. Старовойтова в своей докторской диссертации, размышляя над возможностями охраны и защиты соматических прав, пишет, что некоторые авторы исходят из распоряжения телом при жизни для жизни или ухода из

нее [9] Однако спектр этих прав шире. Распоряжение в отношении тела после смерти человека входит в него. Современное осмысление научных достижений позволяет говорить о возникновении права на сохранение тела с использованием технологии крионики, которая на данный момент разрешена в США, Китае и России. Так, в сентябре 2021 г. в Подмосковье произошел скандал при разделе криобизнеса между его совладельцами, когда чуть было не нарушили условия хранения около 30 тел замороженных пациентов [18]. Тела умерших пациентов были заморожены для возможного оживления в будущем. Можно ли говорить о достойном отношении к телу умершего в подобном случае? Разъяснение по правовым аспектам нейросохранения, криосохранения, сохранения ДНК и тканей были даны на правовом портале <https://pravo.ru/> [19]. Предположение об «оживлении» в будущем умершего не опровергает факта, что на данный момент «замороженный» человек мертв. Перевозка и хранение в названном случае тел (при произошедшем нарушении условий хранения) явно не является достойным отношением к телу умершего.

В статье 68 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ [1] содержится разрешение использовать тело, органы и ткани умершего человека в медицинских, научных и учебных целях. Порядок таких действий определен ст. 47 названного закона и Законом Российской Федерации № 4189-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (раздел II) [2]. Не разрешена трансплантация при наличии сведений о запрете таковой со стороны этого лица (или после наступления смерти, родственников умершего). Фактически законодатель предусмотрел возможность человека распорядиться своим телом в случае смерти. Д.Г. Василевич пишет, что особое место среди соматических прав занимает право на анатомический дар [6]. Но такое волеизъявление должно быть надлежащим образом оформлено, что подразумевает наличие письменного волеизъявления лица, сделанного им при жизни и нотариально удостоверенного. Если тело не востребовано после смерти человека по причине отсутствия лиц, взявших на себя обязанность осуществить погребение, оно (а также органы и ткани) может быть передано для медицинских, научных и учебных целей. Данные действия регламентируются соответствующим постановлением Правительства РФ [3]. Приказом Министерства здравоохранения от 25.05.21 г. утвержден перечень учреждений, как федеральных, так и субъектов РФ, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и тканей человека [4]. В список входит 46 федеральных организаций и 160 - субъектов РФ. Согласно данному перечню в Тверской области нет ни одного, ни собственного, ни федерального учреждения осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и тканей. Также отсутствует место для кремации. Организации, занимающиеся ритуальными услугами, предлагают кремацию в Москве и Московской области. Следовательно, лица, проживающие на территории Тверской области, имеют ограниченные возможности распорядиться своим телом после смерти. Ведь для

использования тела с целью трансплантологии существуют временные показатели. Да и для использования в учебных и научных целях также должны быть созданы условия, при которых тело не потеряет своих свойств, необходимых для дальнейшего полезного применения. Лицо, желающее принести пользу обществу, пусть даже обычным распоряжением в отношении собственного тела, не может воспользоваться нормативно-правовыми гарантиями только потому, что его место жительства пришлось на тот субъект федерации, где организационные условия отсутствуют.

Человечество расширяет свои культурные горизонты. Может в недалеком будущем завешание тела для науки или просветительства станет вариантом привычным, а не исключением из правил. Законодательным органом Ленинградской области в 2021 г была осуществлена законодательная инициатива внесения изменений Закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» об изменении порядка и условий передачи тела, органов и тканей умершего человека для использования в медицинских, научных и учебных целях. Законопроектом предлагалось установить возможность использования в названных целях всех тел, в том числе и невостребованных [20]. По причине несоответствия формальным признакам закон получил отрицательное заключение соответствующего комитета Государственной Думы ФС РФ. Полагаем, что данное предложение целесообразно, с учетом того обстоятельства, что пандемия коронавируса сокращает возможности передачи тел в научных и учебных целях, поскольку, как было указано выше, могут быть использованы только те тела, которые не подвергались вскрытию.

Таким образом можно отметить, что в нашей стране создано достаточно альтернатив для распоряжения телом человека после смерти помимо вариантов захоронения. Но еще не все субъекты Российской Федерации создали необходимые условия для возможного распоряжения человеком своим телом после смерти, что на наш взгляд, создает препятствия для реализации права на достоинство, составляющей которого является право распоряжения человеком в отношении собственного тела после смерти.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. N 48 ст. 6724
2. Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 года N 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» //Ведомости СНД и ВС РФ. 1993, N 2, ст. 62
3. Постановление Правительства РФ от 21 июля 2012 г. N 750 «Об утверждении Правил передачи невостребованного тела, органов и тканей умершего человека для использования в медицинских, научных и учебных целях, а также использования невостребованного тела, органов и тканей умершего человека в указанных целях» // СЗ РФ. 2012 г. N 31 ст. 4375
4. Приказ Минздрава РФ N 515н, РАН N 1 от 25.05.2021 «Об утверждении перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека» [Электронный ресурс]. URL: // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106020027>

5. Бурла В. Права человека — высшая ценность и достижение человечества. Часть третья (окончание). «Теория соматических прав и Lex genetica» [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2021/6/2/prava_cheloveka_-_vysshaya_cennost_i_dostizhenie_chelovechestva_chast_tretya_okonchanie_teoriya_soma
6. Василевич Д.Г. Конституционные основы реализации соматических прав: теория и практика. Автореф. дисс. докт. юрид. наук Минск, 2020. АВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
7. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. — 2000. — № 10
8. Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. — 2005 — № 3
9. Старовойтова О. Э. Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. С-Петербург, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/yuridicheskii-mekhanizm-realizatsii-i-zashchity-somaticheskikh-prav-cheloveka-i-grazhdanina>
10. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/36606/>
11. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vox.com/2014/10/28/7078151/body-farm-texas-freeman-ranch-decay>; <https://lenta.ru/articles/2014/11/14/bodyfarm/>; <https://www.mos-ritual.ru/informatsiya/stati/mozhno-li-zaveschat-telo-nauke>
12. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos-ritual.ru/informatsiya/stati/mozhno-li-zaveschat-telo-nauke>
13. [Электронный ресурс]. URL: https://medaboutme.ru/articles/kak_podarit_svoe_telo_lyudyam_trupy_i_zakony/
14. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mna.inah.gob.mx/>
15. [Электронный ресурс]. URL: <http://muttermuseum.org/>
16. [Электронный ресурс]. URL: <https://koerperwelten.de/>
17. [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2016/10/10/health/body-use-after-death/index.html>
18. [Электронный ресурс]. URL: https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/0909202_1/158579
19. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/220936/>
20. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/961805-7>

Об авторе:

РЯЗАНОВА Елена Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2785-4619, e-mail: lena_7765@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ТАЛАНТОВ МОЛОДЕЖИ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1999 – 2021 ГГ.)

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация: Рассматриваются различные организационные формы и технологические приемы организации образовательной поддержки и профессиональной ориентации школьников Тверской области в рамках Юридического факультета Тверского государственного университета.

Ключевые слова: *Тверской государственный университет, локальные акты, Юридический факультет, Тверская область, школьники, развитие талантов, дистанционные технологии.*

Актуальность темы настоящей работы обуславливается как значимостью проблематики применения потенциала высшего образования для организации образовательной поддержки школьников, так и ролью Тверского государственного университета (ТвГУ) и его Юридического факультета как активного субъекта государственной политики в сфере развития талантов у детей и молодежи. Данное направление государственной политики является приоритетным для образовательных организаций. Названный приоритет входит в систему национальных целей развития Российской Федерации [1].

Различные аспекты деятельности Юридического факультета ТвГУ отражены в целом ряде научных публикаций. Вместе с тем можно констатировать тот факт, что в настоящее время специальные исследования по заявленной теме отсутствуют.

К концу 1990-х гг. Юридический факультет располагал немалым опытом организации поддержки юных талантов Тверского края. Этот опыт, накопленный в предыдущие три десятилетия деятельности университета, да еще с учетом педагогических традиций, уходящих своими корнями в XIX в., стали своеобразным педагогическим и методическим основанием работы коллектива Юридического факультета в рассматриваемый период. Указанный опыт был наработан, в частности, в годы работы Р.Е. Гукасяна на посту декана факультета. В 1970–1980-е гг. был сформирован и задействован комплекс мер по образовательному и профориентационному взаимодействию факультета со школьниками Тверской (тогда – Калининской) области.

В 1999 – 2021 гг. коллективом Юридического факультета была существенно обновлена и развита нормативная база профориентации и образовательной поддержки школьников. В значительной мере был также изменен «набор» организационных форм и инструментов работы с обучающимися общеобразовательных организаций.

Исходя из самой природы Тверского государственного университета как классического университета, крупнейшего образовательного центра

Тверской области, следует определить основной формой образовательной поддержки молодежи региона организацию обучения по основным программам высшего образования.

Период 1999 – 2021 гг. стал временем перехода вузов России на многоуровневую систему высшего образования. В рамках Юридического факультета ТвГУ состоялся переход к реализации образовательных программ бакалавриата и магистратуры. В настоящее время старшеклассники Тверской области могут выбрать для обучения на базе факультета программу бакалавриата «Юриспруденция», программу специалитета «Таможенное дело», программы магистратуры «Теория и практика конституционного правопользования», «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», «Правовые основы семьи и брака», «Судебная защита прав и законных интересов», «Правовые основы противодействия коррупции».

В ходе осуществления образовательного процесса организуется исследовательская работа студентов. В последние годы часто используется такая форма научной работы, как проведение исследовательских конференций с участием как студентов, так и школьников.

В конце XX – начале XXI вв. весьма активно использовалась такая форма профориентационной работы, как участие представителей факультета в ярмарках учебных мест и профориентационных выездах в школы Твери и других городов и поселков Тверской области. Ярмарки учебных мест проводились в областной столице и крупных городах региона. Эти мероприятия проводились на основании решений органов государственной власти, в частности, Департамента федеральной государственной службы занятости населения по Тверской области [2].

Профориентационными выездами охватывались школы не только городов, но и некоторых небольших населенных пунктов. Нормативную основу выездов представителей факультета составляли документы о деятельности приемной комиссии университета и приказы ректора ТвГУ.

Интересной и, по тем временам, в известном смысле новаторской формой организации работы со старшеклассниками стала деятельность правовой секции городского научного общества школьников на базе Юридического факультета. Этот проект стал результатом инициативы декана факультета Л.В. Тумановой [4, с. 151]. Автор настоящей работы обеспечивал работу правовой секции с организационной и методической сторон.

К ведению учебных занятий было приглашено несколько первокурсных преподавателей как с Юридического факультета, так и с других факультетов университета, а также из филиала ТвГУ в г. Ржеве. Юрфак представляли Е.В. Зайцева, О.Ю. Ильина, А.Н. Матросов, филиал – Е.В. Надольская. В рамках работы секции осуществлялась профориентация школьников.

Реализацию данного проекта следует признать успешной. Одним из результатов стало поступление ряда обучающихся-участников секции на основную образовательную программу Юридического факультета. Таким образом, правовая секция городского научного общества школьников Твери

выполнила не только роль инструмента образовательной поддержки одаренных и высокомотивированных обучающихся, но и функцию социального лифта, поскольку были созданы благоприятные условия не только для развития талантов старшеклассников, но и для выбора дальнейшего образовательного маршрута и поступления на престижную программу высшего образования.

В 2010 г. возобновили работу курсы подготовки школьников-старшеклассников к прохождению государственной итоговой аттестации и сдаче ЕГЭ. В числе учебных предметов, преподаваемых на курсах – русский язык, обществознание и история, результаты сдачи которых на ЕГЭ необходимы для поступления на основные образовательные программы Юридического факультета [5].

В последние годы активизировалось взаимодействие факультета и Академической гимназии имени П.П. Максимовича, созданной в рамках Тверского государственного университета в 2012 г. В конференциях, проведенных на базе факультета, принимают участие университетские гимназисты. Студенты-юристы, в свою очередь, участвуют в конференциях на базе Академической гимназии [3].

Обучающиеся гимназии приняли участие в научно-образовательно-просветительском студенческом коворкинге «Актуальные правовые ценности», организованном кафедрой теории права с применением дистанционных технологий на платформе Microsoft Teams [6].

В последние несколько лет одной из существенных особенностей развития на Юридическом факультете ТвГУ системы поддержки талантов молодежи стало активное взаимодействие факультета и Тверского регионального отделения Ассоциации юристов России. Данное взаимодействие вышло на новый уровень. В частности, в практику было введено проведение публичных лекций известных правоведов Тверской области. Цикл получил наименование «Популярная юриспруденция» [7]. В январе 2021 г. была проведена Зимняя школа «Юрист в XXI веке: взгляд в будущее» [8]. На 2021 – 2022 уч. г. запланирован целый ряд мероприятий образовательной и профориентационной направленности.

В течение рассматриваемого периода принципиально обновился технологический арсенал организации взаимодействия с обучающимися общеобразовательных организаций. В числе наиболее ярких примеров последних лет следует отметить широкое применение дистанционных технологий. Эти технологии позволили до определенной степени нивелировать негативное воздействие процесса распространения новой коронавирусной инфекции. Применение онлайн-технологий опиралось на нормативную базу, сформированную федеральным законодательством и развитую в 2020 – 2021 гг. органами государственной власти Российской Федерации. Были внесены соответствующие изменения в локальные акты Тверского государственного университета.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении рассматриваемого периода деятельность коллектива Юридического факультета ТвГУ по развитию системы поддержки талантов молодежи Тверской области осуществлялась на принципиально обновленной нормативной базе и использованием новых организационных инструментов и инновационных технологий. Данные факторы позволили не только сохранить, но и в определенной мере повысить эффективность этой деятельности.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 10.10.2021 г.).
2. Историческая справка // Интерактивный портал службы занятости населения Тверской области [Электронный ресурс]. URL: <https://trudzan.tverreg.ru/documents/-detail/2600adb6-3bcf-4714-9988-6bf5f97dcd85> (дата обращения 14.10.2021 г.).
3. Сборник работ по итогам конференций и круглых столов 2018 года. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 83 с.
4. Школа П.П. Максимовича в культурно-образовательном пространстве Твери во второй половине XIX – начале XX века. К 150-летию Школы П.П. Максимовича: монография / О.К. Ермишкина, Т.А. Ильина, С.Н. Смирнов, А.В. Цыганова. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. 216 с.
5. Сайт Подготовительного отделения Тверского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <https://pd.cno.tversu.ru/> (дата обращения 14.10.2021 г.).
6. Сайт Юридического факультета ТвГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/news/5375> (дата обращения 14.10.2021 г.).
7. Сайт Юридического факультета ТвГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/pages/1674> (дата обращения 14.10.2021 г.).
8. Сайт Юридического факультета ТвГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://law.tversu.ru/pages/1673> (дата обращения 14.10.2021 г.).

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ И ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕДОВЫХ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Н. Сухарев, Л.А. Карасёва

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Аннотация: В статье представлены методологические подходы к исследованию перспективных финансовых технологий, их обзор и роль в социально-экономическом развитии, обозначены проблемы и необходимость их правового регулирования. Представлены основные направления правового регулирования перспективных финансовых технологий.

Ключевые слова: перспективные финансовые технологии, регулятивные технологии, *SupTech*, Большие данные, открытые интерфейсы, «умные данные», машинное обучение, распределенные реестры, маркетплейс, искусственный интеллект

Обращение к проблеме, вынесенной в тему статьи, в первую очередь связано с тем, что осмысление существующего состояния использования тех или иных финансовых технологий, определяющих его факторов, закономерностей, тенденций и возможных перспектив для определения способов (инструментов, механизмов) воздействия является важнейшим шагом оптимизации результатов развития указанных технологий в нашей стране. Тем более, что имеет место неоднозначность суждений по поводу предполагаемых целей и результатов применения тех или иных технологий и мер, которые должны быть приняты для их развития и регулирования со стороны государства, включая меры законодательного порядка. Одновременно выделение правового аспекта исследования обусловлено важностью институциональных норм в механизме функционирования финансовых технологий. Наконец, понимание этого механизма, с одной стороны, как объективно обусловленного, а, с другой, – как субъективно реализуемого через деятельность государства, хозяйствующих субъектов, делает актуальным и методологический аспект исследуемой проблемы. Именно в понимании противоречия между социально-экономической природой применяемых финансовых технологий и субъективно установленных норм ее реализации кроется более глубокое проникновение в существо рисков и проблем использования тех или иных технологий в обществе [7].

Поэтому считаем необходимым определить и пояснить ряд методологических положений, из которых авторы исходили. Во-первых, уточнение многообразия и сложности указанных финансовых технологий, имеющих разные последствия их применения для разных слоев и хозяйствующих субъектов общества, провоцирующих конфликты интересов субъектов и общества при их применении. Во-вторых, применение субъектного подхода, т.е. рассмотрение проблемы с точки зрения субъектов, принимающих решения об использовании той или иной финансовой технологии в тех или иных целях (субъектов финансового капитала, государства, бизнеса, общества). В-третьих, использование метода структурных уровней при

исследовании проблем использования финансовых технологий и рисков, т.к. они могут возникать в любом слое отношений, реализующих инновационные технологии. В социально-экономическом, отражающем социально-экономическую природу финансового капитала, иницирующего и внедряющего технологии; в организационно-экономическом, связанном с принятием управленческих решений; институциональном, определяющим формальные и неформальные нормы функционирования технологий; собственно хозяйственном, где сталкиваются хозяйственные интересы, субъектов, формирующих, принимающих и реализующих хозяйственные решения [7]. И последнее, включение правового аспекта исследования требует исходить из интересов российского общества и государства в условиях существующей экономико-политической, правовой систем; пандемии короновирусной инфекции, повысившей востребованность к использованию передовых финансовых технологий; глобальной обстановки, характеризующейся, с одной стороны, растущим потенциалом международного сотрудничества, а, с другой, – конфронтацией ведущих государств Запада с Россией, существенно влияющих на деформацию отношений использования инновационных технологий.

Под передовыми финансовыми технологиями понимаются в основном цифровые технологии, применяемые в финансовой сфере – банками, фондами, инвестиционными компаниями, стартапами и т.д. Передовые финансовые технологии – технологии в финансовом секторе, основанные на применении «сквозных» технологий, включая технологии цифровой экономики. Сквозные» технологии – ключевые научно-технические направления, которые оказывают наиболее существенное влияние на развитие рынков. К ним принято относить технологии беспроводной связи, робототехнику и сенсорику, большие данные, системы распределенного реестра, нейротехнологии, технологии виртуальной и дополненной реальности, искусственный интеллект и проч. Перспективные финансовые технологии – это наиболее динамично развивающаяся форма развития современной экономики, определяющая переход общества в информационное состояние на основе цифровой глобализации.

Сегодня к передовым финансовым технологиям можно отнести так называемые регулятивные технологии (RegTech), SupTech, Большие данные (Big Data), открытые интерфейсы (Open API), «умные данные» (Smart Data) машинное обучение, распределенные реестры, маркетплейс, искусственный интеллект и проч. Эти технологии бурно развиваются и стали неотъемлемым элементом финансовой системы. Среди стран мира происходит конкуренция по внедрению таких технологий и получения выгоды от этого для страны и ее граждан.

Высокоразвитые страны, оторвавшиеся от развивающихся по концентрации капиталов и инвестиций, уровню доходов и качеству жизни, генерируют всё новые и новые изобретения, позволяющие извлекать всё больше

интеллектуальной ренты на основе информационно-технологических и финансово-технологических прорывов. Технологические инновации в сфере финансовых услуг (Fintech) приводят к революционным, ранее не виданным изменениям в финансовой сфере, которые столь значительны, что происходящее можно обозначить как смену финансовой парадигмы. Происходит формирование нового механизма реализации финансовых отношений: технико-экономических, организационно-экономических, институциональных норм их функционирования [7], меняющих «старые» схемы, шаблоны, деформируя отношения, что не может не найти отражения и в теории финансовых отношений, ее методологии как системы принципов и способов анализа, применяемых при построении теории.

По одним позициям Россия входит в группу лидеров, по другим – находится на среднем уровне, значительно уступая по распространению указанных технологий одним государствам и опережая многие другие. Однако Россия в состоянии использовать их достижения в целях ускорения собственного развития, сэкономить на этом капитальные ресурсы и время – при условии грамотного нормативного правового оформления и реализации передовых финансовых технологий, используя как свой, так и зарубежный опыт их применения.

В 2017 году по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере Президентом Российской Федерации был утвержден ряд поручений, включая определение статуса цифровых технологий. В Российской Федерации принят комплекс стратегических документов и нормативных правовых актов, заложивших институциональные основы развития передовых финансовых технологий. Среди них Указ Президента РФ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [3], который обозначил цели и перспективы развития информационного общества в России. Во исполнение реализации Указа распоряжением Правительства РФ была принята Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [6], которая связывает повышение благосостояния населения, в том числе и с развитием цифровых технологий, повышающих доступ граждан к качественным товарам и услугам, к государственным услугам, ставит задачу обеспечения безопасности граждан, общества и государства. В 2019 г. был принят указ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [4]. Искусственный интеллект, становится магистральной технологией будущего, а его использование позволит решить проблемы не только в области управления финансами, но в других областях, включая, управление, медицину, производство, транспорт, ЖКХ, искусство, образование, науку и проч. Правительством РФ утверждена «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» [5], которая определяет основные подходы к правовому регулированию общественных отношений в сфере создания и использования технологий искусственного интеллекта.

В 2021 г. вступил в силу федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [2], который является правовой основой, формирующей механизм выпуска и обращения цифровых финансовых активов и частных цифровых валют. В январе 2021 г. вступил в силу федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ» [1]. Суть этого закона состоит в том, чтобы оперативно формировать правовую среду для осуществления цифровых инноваций в ограниченной среде в целях эксперимента.

Правовое регулирование передовых финансовых технологий должно быть направлено на следующее.

1. Законодательное закрепление распределения рисков использования передовых финансовых технологий. Передовые финансовые технологии порождают новые риски, что требует законодательного закрепления их отнесения на различных участников использования таких технологий. В частности, центральной проблемой здесь является хищение средств с пластиковых карточек граждан и организаций. Какая сторона должна нести потери от этого, лицо, на счете которого находились денежные средства или кредитная организация? Законодательно следует установить подходы к такому регулированию, определив в каком случае потери должны относиться на кредитную организацию, а в каком случае на владельца счета. Это важно еще и потому, что кредитная организация при принятии решений об использовании соответствующей технологии четко прослеживает свои риски и учитывает их, предлагая потребителям услуги страхование риска, страховка которого конечно же не покрывает их потери.

2. Защиту прав потребителей. Использование передовых финансовых технологий может приводить к нарушению прав потребителей, которых оказывается не просто защитить в век цифровых технологий. Нарушения прав потребителей может носить специфический характер, и потребителям таких цифровых финансовых технологий может оказаться трудным доказать факт нарушения его прав. Законодательно следует определить права потребителей при использовании цифровых финансовых технологий.

3. Защиту персональных данных. Цифровые финансовые технологии ставят под угрозу раскрытия персональных данных физических лиц и использование их в неправомерных целях. Учитывая особую уязвимость раскрытия персональных данных при использовании цифровых финансовых технологий, необходимо усиление их защиты, внесения соответствующих изменений в законодательство. Особо здесь следует обеспечить защиту прав при использовании Больших данных (Big Data), обычно содержащих огромные массивы подробной информации о физических лицах. Важно учитывать, что инвестиции в Big Data не обеспечивают коммерческого эффекта, если иметь ввиду интересы конкретных хозяйствующих субъектов. Скорее они эффективны с точки зрения интересов общества, государства в рамках выполнения им своих функций.

4. Охрану коммерческой тайны. Использование цифровых финансовых технологий может привести не только к раскрытию персональных данных о физических лицах, но и коммерческой информации о фирмах, кредитных организациях. Это требует внесения соответствующих защитных норм в законодательство.

5. Охрану государственной тайны. Использование цифровых финансовых технологий может также привести к раскрытию государственной тайны в экономической, технической, военной и прочих областях. Например, использование военнослужащими цифровых финансовых технологий может раскрыть информацию о зоне их ограниченного дислоцирования и численном составе. Также цифровые финансовые технологии могут быть использованы как средство передачи в зашифрованной форме информации, составляющей государственную тайну.

6. Защиту от неправомерных действий и недобросовестного поведения со стороны третьих лиц. Правовые пробелы в сфере использования передовых финансовых технологий могут быть использованы в целях недобросовестного поведения третьими лицами, которые понимают сложность защиты прав со стороны лиц, использующих такие технологии. Общий закон подчас не может защитить граждан, что требует принятия специального закона.

7. Быстрое и эффективное раскрытие преступлений. Принято считать, что сегодня преступность трансформировалась в Интернет и в сферу высоких технологий. Поэтому цифровые финансовые технологии стали являться средством совершения экономических преступлений. Правоохранительные органы должны обладать не только и не столько техническими средствами расследования таких преступлений, сколько возможностью своевременно и в необходимых объемах получения информации, необходимой для раскрытия и предотвращения совершения преступлений. Отсутствие этого привело к всё возрастающим масштабам совершения экономических преступлений в области цифровой экономики.

Особо следует отметить необходимость правового регулирования искусственного интеллекта, в том числе в сфере использования финансовых технологий [8,9,10]. Как было отмечено выше, основные подходы к его регулированию определены в «Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.», утвержденной Правительством РФ. Искусственный интеллект не только создает новые возможности для решения проблем и задач, но и несет риски, которые не всегда можно определить. На правовом уровне следует определить условия защиты персональных данных при использовании технологий искусственного интеллекта, определении лиц, которые должны нести ответственность за использование таких технологий; сферы и условия делегирования искусственному интеллекту принятия решений с возможностью их перепроверки, определение авторских прав в отношении

результатов созданных с использованием технологий искусственного интеллекта и др.

Пандемия коронавирусной инфекции актуализировала использование передовых финансовых технологий, основанных на удаленной идентификации и управлении денежными средствами и финансовыми активами. Именно в пандемию стремительно увеличилось открытие брокерских счетов среди граждан, которые получили непосредственный доступ с помощью онлайн технологий к фондовому рынку. Стало происходить стремительное перемещение денежных средств с банковских вкладов и счетов на брокерские счета, а кредитные организации все больше начинают превращаться из классических банков в экосистемы, которые в том числе предоставляют брокерские услуги. Все это объективно спровоцировало новые риски и угрозы у целого ряда хозяйствующих субъектов, тем самым поставило задачу проблематизации использования действующего законодательства.

Санкции со стороны ряда иностранных государств привели к необходимости обеспечения безопасности и бесперебойности функционирования национальной финансовой системы, что потребовало создания национальной платежной системы «Мир», принятия решений о хранении баз данных финансовой информации на территории Российской Федерации и проч. Таким образом, развитие передовых финансовых технологий потребовало учета и внешнеполитических факторов.

Для дальнейшего развития передовых финансовых технологий требуется разработка и принятие законодательства, которое урегулировало бы возникающие специфические правоотношения в сфере их использования. Законодательство должно также быть направлено на стимулирование создания, внедрения и использования перспективных финансовых технологий и недопущения отставания России в этой области от других стран.

Итак, подытоживая вышеизложенное можно сделать вывод о том, что развитие передовых финансовых технологий существенно влияет на изменение общественных отношений и требует их правового регулирования. Такое регулирование позволит снизить правовые риски в области использования передовых финансовых технологий, создав должную правовую определенность. Кроме того, это позволит судам быстро и однообразно разрешать споры между сторонами, использующими передовых финансовые технологии.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ».
2. Федеральный закон от 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
3. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Указ Президента РФ от 10 октября 2010 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

4. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.», утв. Распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р.

5. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. Постановлением Правительства РФ от 28 июля 2017 г., № 1632-р.

6. Карасёва Л.А. Социальный резерв хозяйственного механизма в преодолении проблем современной российской экономики //Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. С.31 –

37; Карасёва Л.А. Институциональные иллюзии и действительные проблемы хозяйственного механизма российской экономики //Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. С. 24 – 31.

7. Кашкин С.Ю. Искусственный интеллект и роботехника: возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в ЕС и мире // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 151-159.

8. Любимов А.П., Пономарева Д.В., Барабашев А.Г. Искусственный интеллект в Европейской правовой доктрине // Вестник дипломатической академии МИД России. Международное право. 2019. № 1 (10). С. 32-47.

9. Морхат П.М. Искусственный интеллект: перспективы применения и правовое регулирование // Арбитражная практика для юристов. 2018. № 11 (39). С. 104-111.

10. Сухарев А.Н. О перспективах правового регулирования использования искусственного интеллекта в Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Право». 2021. № 3. С. 13-21.

Об авторах:

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru.

КАРАСЕВА Людмила Аршавировна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ФГБОУ «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: karasevatvgu@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ НАЛОГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ИСКУССТВЕННОМ ДРОБЛЕНИИ БИЗНЕСА

В.В. Уткин

Тверской филиал ПАО «Ростелеком», г. Тверь

Аннотация: В статье на основании анализа действующего законодательства, писем налогового органа и судебной практики рассматривается проблема определения субъекта налогового правонарушения при искусственном дроблении бизнеса. Предлагается наиболее правильное наименование указанного явления. Рассматриваются два варианта определения субъекта (каждый участник группы и один из участников группы). Делается вывод о том, что субъектом налоговой ответственности является каждый участник группы. Обосновывается необходимость внесения соответствующих изменений в налоговое законодательство.

Ключевые слова: искусственное дробление бизнеса; определение налоговых обязательств; методика доначисления сумм налогов.

Вопросы неправомерной оптимизации налогообложения всегда являлись актуальной темой. Недобросовестные налогоплательщики в целях уменьшения налогообложения используют различные схемы, включая искусственное дробление бизнеса, которое подразумевает создание избыточного, с точки зрения логики бизнеса, количества различных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В связи с этим в последнее время наибольшую актуальность приобрел вопрос налоговой ответственности указанных лиц.

«Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы», - гласит ст. 57 Конституции РФ [1]. В соответствии со ст.1 Налогового кодекса РФ законодательство Российской Федерации о налогах и сборах состоит из Налогового кодекса и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах, сборах, страховых взносах. Вместе с тем, ни Налоговый кодекс РФ [2] (Далее-НК РФ), ни принятые в соответствии с ним федеральные законы не содержат такого понятия как «Искусственное дробление бизнеса». Таким образом, несмотря на наличие указанного термина в письмах налогового органа, указанное понятие не является юридическим термином и имеет скорее обиходное значение. Представляется, что более подходящим для рассматриваемого явления является термин «Дробление бизнеса с целью необоснованного применения специальных налоговых режимов», который употребляется, в частности, в письме ФНС России от 13.07.2017 N ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» [3].

Действия налогоплательщика по искусственному дроблению бизнеса подпадают под регулирование ст.54.1 НК РФ в соответствии с которой: «Не допускается уменьшение налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы

подлежащего уплате налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов), об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтер-ском учете, либо налоговой отчетности налогоплательщика». В письме ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ [4] указывается, что схема «дробления» бизнеса – один из примеров искажения сведений о фактах хозяйственной жизни, об объектах налогообложения, что согласно п.1 ст.54.1 НК РФ является недопустимым способом уменьшения налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога.

Представляется, что при выявлении искусственного дробления бизнеса налоговый орган должен произвести перерасчет налогов по правилам общего режима налогообложения каждому участнику схемы, исходя из полученных им доходов и расходов.

В связи с отсутствием в налоговом законодательстве понятия «искусственное дробление бизнеса» отсутствует и правовое регулирование действий налогового органа (методика определения налоговых обязательств) при его обнаружении.

Таким образом, решающее значение при регулировании данного вопроса является судебная практика, которая в обобщенном виде доводится налоговым органом до своих структурных подразделений.

В частности, письмом ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконт-рольных взаимозависимых лиц» [5] до структурных подразделений налогового органа была доведена информация о положительной судебной практике.

В соответствии с указанной судебной практикой налоговым органом, при вынесении оспариваемых решений, была избрана методика доначисления сумм налогов, пени и штрафов, заключающаяся в разделении полученной налоговой выгоды между обществами в равных долях.

Судебные инстанции отметили правильность примененной налоговым органом методики определения налоговых обязательств, в соответствии с которой доначисления сумм налогов произведены в отношении каждого участника схемы дробления бизнеса в отдельности. При этом налоговым органом при расчете размера произведенных доначислений учтены как доходы участников схемы, так и их расходы.

На первый взгляд данная методика налогового органа кажется не совсем верной и более целесообразным представляется произвести перерасчет налогов путем консолидации доходов и расходов на одного из участников схемы. В частности, существует положительная судебная практика применения налоговым органом данной методики определения

налоговых обязательств. К примеру, в соответствии с постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 17.05.2019 N Ф06-44818/2019 по делу N А65-27699/2018 [6], была подтверждена правильность решения налогового органа, в соответствии с которым выгодоприобретателем-бенефициаром «схемы» был признан один из налогоплательщиков, которому и был произведен перерасчет налогов путем консолидации доходов и расходов (существуют и иные подобные судебные решения). При этом позиция налогового органа по делу выглядит достаточно убедительной.

Кроме того, в целях аргументации данной позиции можно привести аналогию Главы 3.1 НК РФ «Консолидированная группа налогоплательщиков», в соответствии с которой исчисление и уплаты налога на прибыль группы организаций может производиться с учетом совокупного финансового результата хозяйственной деятельности налогоплательщиков.

Так почему представляется более правильной методика определения налоговых обязательств, в соответствии с которой доначисления сумм налогов произведены в отношении каждого участника схемы дробления бизнеса в отдельности?

1). Налоговый орган сам дал ответ на данный вопрос в письме ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895@: «Особенностью дел, в рамках которых налоговыми органами обосновываются доначисления сумм налогов, пени и штрафов не одному лицу, а нескольким выгодоприобретателям, является то, что фактически предпринимательская деятельность осуществляется не через формально созданные организации и предпринимателей, а реальными субъектами» [7]. Ключевым в данном случае является словосочетание «реальные субъекты».

Представляется, что все участники схемы являются субъектами гражданского права, прошедшими государственную регистрацию. Таким образом, в соответствии с гражданским законодательством, все они являются правоспособными, а в соответствии с налоговым законодательством (ст.9, 11 НК РФ) - участниками налоговых правоотношений. Доначисление налогов на одного из участников группы, как бы «ущемляет правоспособность» иных участников группы. Данное обстоятельство противоречит основным началам законодательства о налогах и сборах (ст. 3 НК РФ), в соответствии с которыми законодательство о налогах и сборах основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения.

2). Существует как юридическая, так и практическая проблема определения выгодоприобретателя-бенефициара «схемы» (критериев определения). К примеру, кому доначислять налоги – ранее созданному по времени субъекту, наиболее «крупному», как налогоплательщик, или тому, на котором консолидируется прибыль? Кроме того, «де факто» выгодоприобретателем-бенефициаром может быть не один участник схемы, а несколько. К примеру, приведенная в качестве аналогии, консолидированная группа налогоплательщиков (Глава 3.1 НК РФ) имеет ответст-

венного участника, на которого договором возложены обязанности по исчислению и уплате налога, то есть проблем с определением субъекта не возникает.

3). В определении Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 N 1440-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247 - 249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации» [8] Конституционный Суд РФ отметил, что в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера), то это, в свою очередь, предполагает доначисление суммы налогов и сборов, подлежащих уплате в бюджет так, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом, на основании соответствующих положений НК РФ, регулирующих порядок исчисления и уплаты конкретного налога и сбора.

Учитывая, что при создании «схемы» каждый ее участник злоупотреблял правом, то на основании выводов Конституционного Суда РФ каждому из них должно быть осуществлено доначисление налогов так, как если бы они не злоупотребляли правом.

Таким образом, представляется, что рассматриваемая проблема требует законодательного регулирования (введение понятия выгодоприобретателя-бенефициара «схемы», критериев его определения, методики определения налоговых обязательств). До законодательного регулирования «критерием истины» является судебная практика. При этом наиболее правильной представляется методика определения налоговых обязательств, в соответствии с которой доначисления сумм налогов произведены в отношении каждого участника схемы дробления бизнеса в отдельности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 17.02.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.04.2021).

3. Письмо ФНС России от 13.07.2017 N ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с «Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.04.2021).

4. Письмо ФНС России от 31.10.2017 N ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2021).

5. Письмо ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц»// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2021).

6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.05.2019 N Ф06-44818/2019 по делу N А65-27699/2018//arbitr.ru (дата обращения 28.04.2021).

7. Письмо ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц»// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2021).

8. Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 N 1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247 - 249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.04.2021).

Об авторе:

УТКИН Валерий Владимирович – кандидат юридических наук, начальник отдела правового обеспечения Тверского филиала ПАО «Ростелеком» (170100, г. Тверь, ул. Симеоновская, 28), ORCID: 0000-0001-8859-9350, SPIN-код 1687-3399, e-mail: utkin.valeri@yandex.ru

УТРАТА ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ

А.С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Аннотация: В статье изучаются пределы действия имущественного (исполнительского) иммунитета при обращении взыскания по исполнительным документам на принадлежащие гражданину-должнику на праве собственности объекты недвижимости, включая жилые помещения. Правильное решение вопроса об имущественном (исполнительском) иммунитете является средством обеспечения баланса конституционно значимых ценностей взыскателя в части реального обеспечения права на исполнение требований исполнительных документов и должника в отношении сохранения им права на жилище.

Ключевые слова: принцип, исполнительский иммунитет, суд, Конституционный суд, должник, взыскатель.

Профессором Р.Е. Гукасяном исполнительное производство рассматривалось как стадия правосудия [16]. При таком комплексном взгляде характер процессуальных отношений имеет осуществление судом предварительного и последующего контроля на этапе принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов. В частности, суд определяет какое конкретное имущество, принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности, относится к имуществу, на которое может быть обращено взыскание, или оно защищено имущественным (исполнительским) иммунитетом. Как правило, данный вопрос в процессе исполнения исполнительных документов решается судебным приставом-исполнителем, а в случае спора - судом» [5].

Каждый имеет право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ [1]), но это право было бы ущемлено, если бы у должника изымалось все имущество и денежные средства. Поэтому закон определяет тот минимум, предельную черту, до которой возможно принудительное исполнение, определяя имущество, на которое не может быть обращено взыскание, вид доходов, на которые не может быть обращено взыскание (ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ) [2]. Указанные в данной статье виды имущества применяются к исполнению всех, в том числе несудебных исполнительных документов. Такой перечень применяется только в отношении должников-граждан, в том числе имеющих статус индивидуального предпринимателя.

В качестве имущества должника, на которое невозможно обратить взыскание, статья 446 ГПК РФ называет в том числе жилое помещение (его часть), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением случаев, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание. Для

правильного толкования ст. 446 ГПК РФ правоприменитель исходит из принципа, действующего в исполнительном праве, - неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи (п. 4 ст. 4 Федерального закон РФ от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [3])). Его сущностная идея заключается в социальной природе исполнительного производства, осуществление которого не может быть направлено на то, чтобы должник и члены его семьи остались без средств существования.

Вопрос о пределах действия имущественного (исполнительского) иммунитета при обращении взыскания по исполнительным документам на принадлежащие гражданину-должнику на праве собственности объекты недвижимости, включая жилые помещения, затрагивался Конституционным Судом РФ неоднократно [4,5,6]. По мнению данного Суда, запрет обращения взыскания на единственное пригодное для постоянного проживания указанных лиц жилое помещение (его части) - конституционно оправдан (даже в ущерб конституционно значимой цели исполнения судебных решений) постольку, поскольку он направлен на сохранение для этих лиц жилищных условий, которые признаются приемлемыми в конкретной социально-экономической ситуации на том или ином этапе развития общества и государства.

Однако, в Постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П Конституционный Суд РФ указал на допустимость обмена дорогой квартиры или дома на иное жилье [6]. Уровень «достаточности», а именно общие нормативные ориентиры в определении уровня обеспеченности жильем гражданина-должника и членов его семьи надлежало определить законодателю. До настоящего времени законодатель такие критерии не выработал. Это приводит к несоразмерному и не подкрепленному никакой конституционно значимой целью ограничению прав кредиторов в их имущественных отношениях с гражданами-должниками, а, следовательно, нарушать баланс конституционно защищаемых интересов.

В итоге сформированный к настоящему времени Верховным Судом РФ подход заключался в том, что единственное жилье признается «неприкосновенным», независимо от его качественных и количественных характеристик. При этом Верховный Суд РФ ссылаясь на невозможность установления критериев «роскошного» жилья в отсутствие соответствующего законодательного регулирования [10,11].

Из опубликованных определений Верховного суда РФ следует, что переселение должников-банкротов из «роскошного» жилья в более скромное невозможно до внесения в законодательство соответствующих критериев разумно достаточного уровня обеспеченности жильем. Например, такой вывод Верховный Суд РФ сделал по итогам рассмотрения жалобы обанкротившегося Дмитрия Стружкина, которого кредиторы решили принудительно переселить из 40-метровой двухкомнатной квартиры в «однушку» площадью 19 кв. м. Как указал Верховный Суд РФ,

кредиторы не имели права принимать решение о переселении должника в отсутствие законодательно установленных критериев роскошного жилья и необходимого; кредиторы «фактически произвольно в отсутствие законодательного регулирования определили разумно достаточный уровень обеспеченности должника жильем». Кроме того, Верховный Суд РФ указал, что, по его мнению, «очевидно, что имеющуюся у должника квартиру площадью 40 кв.м. нельзя признать для него роскошным жильем, превышающим разумную потребность в жилище" [15].

26.04.2021 опубликовано Постановление Конституционного Суда РФ № 15-П по вопросу исключения из конкурсной массы единственного жилья, принадлежащего гражданину-должнику в ситуации, когда оно значительно превышает разумно достаточное для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище [7]. Данное Постановление было принято по жалобе Ивана Ревкова, который являлся кредитором гражданина, признанного банкротом, с суммой требований около 4,5 млн руб. В 2009 году должник приобрел квартиру площадью 110 кв. м. Квартира как единственное жилье банкрота была исключена из конкурсной массы и сохранена в собственности банкрота.

В Постановлении от 26.04.2021 № 15-П Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что назначение исполнительского иммунитета состоит не в том, чтобы в любом случае сохранить за гражданином-должником право собственности на жилое помещение, а в том, чтобы не допустить нарушения конституционного права на жилище, гарантируя гражданину-должнику и членам его семьи обеспеченность жильем на уровне, достаточном для достойного существования. По мнению Конституционного Суда РФ, запрет обращения взыскания конституционно оправдан лишь в пределах сохранения жилищных условий, приемлемых в конкретной социально-экономической обстановке, определяющей, какое жилое помещение можно считать достаточным для удовлетворения разумной потребности человека в жилище.

Конституционный Суд РФ сформулировал следующие условия, при которых допустимо включение единственного жилья в конкурсную массу:

- отказ в применении иммунитета не оставит гражданина-должника без жилища, пригодного для проживания самого должника и членов его семьи;
- предоставляемое взамен жилье должно располагаться в пределах того же поселения и быть площадью не меньше норм предоставления жилья на условиях социального найма;
- ухудшение жилищных условий не может вынуждать гражданина к изменению места жительства (поселения), что, однако, не препятствует ему согласиться с такими последствиями, как и иными последствиями, допустимыми по соглашению участников исполнительного производства и (или) производства по делу о несостоятельности (банкротстве);

- должно быть учтено соотношение рыночной стоимости жилого помещения с величиной долга; стоимость жилого помещения должна позволять удовлетворить имущественные притязания взыскателя (значительную их часть) и при этом сохранить для гражданина-должника и членов его семьи возможность реализовать конституционное право на жилище.

Соблюдение данных условий замены единственного жилого помещения должника-гражданина может быть обеспечено, в частности, если другое жилое помещение ему предоставляет кредитор (взыскатель) в порядке, который установит суд, в том числе в процедуре несостоятельности (банкротства).

Конституционный Суд РФ считает целесообразным назначать судебную экспертизу для определения рыночной стоимости жилья. Проведение судебной экспертизы рыночной стоимости жилья, имеющего, по мнению кредиторов, признаки излишнего является необходимым для соотнесения суммы долгов со стоимостью такого жилья, с тем чтобы отказ от исполнительского иммунитета имел реальный экономический смысл как способ удовлетворения требований кредиторов, а не был карательной санкцией (наказанием) должника за неисполненные долги. Это предполагает также необходимость оценивать стоимость замещающего жилья, а также издержек конкурсной массы по продаже существующего помещения и покупке необходимого.

При установлении критериев «роскошного» и предоставляемого взамен него жилья суды должны будут исходить не только из социальных норм, но и многих иных обстоятельств. В первую очередь ими являются семейное положение должника и наличие иждивенцев. Кроме того, существенное значение должны иметь признаки злоупотребления должником своим правом на исключение жилья из конкурсной массы. Сохранение должником единственного жилья от взыскания не должно превращаться в выведение им активов из поля зрения кредиторов, поэтому снятие исполнительского иммунитета при злоупотреблении должником своим правом соответствует ч. 2 ст. 10 ГПК РФ. О недопущении злоупотребления правом известный русский ученый М.А. Коркунов высказался фразой «Все на что человек имеет право – разрешено, но не на все разрешенное человек имеет право» [17].

Суд вправе отказать гражданам-должникам в иммунитете единственного жилья, если приобретение жилого помещения, формально защищенного таким иммунитетом, состоялось со злоупотреблениями. Например, если после взыскания задолженности в судебном порядке и возбуждения исполнительного производства должник совершает сделки и другие действия для приобретения (создания) объекта, защищенного исполнительским иммунитетом.

В Постановлении от 25 декабря 2018 г. № 48 Пленум Верховного Суда РФ в делах об оспаривании исключения единственного жилья из

конкурсной массы ориентировал нижестоящие суды на тщательный анализ обстоятельств приобретения должником единственного жилья, предшествующее и последующее его поведение на предмет выявления в нем признаков недобросовестности [8]. Даже если в конечном итоге не получится обратиться за взысканием на единственное жилье должника, доказанность злоупотреблений с его стороны, может не позволить ему освободиться от долгов в деле о банкротстве. При этом в Постановлении № 48 Верховный Суд РФ воздержался от высказывания позиции по ситуации, когда единственным жилым помещением должника является помещение, явно превышающее характеристики разумно достаточного для удовлетворения потребности в жилище, видимо, оставив данный вопрос на усмотрение законодателя.

Согласно действующему правовому регулированию суды должны учитывать правовые позиции, изложенные в решениях Конституционного Суда РФ, разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, постановлениях Президиума Верховного Суда РФ, касающиеся вопросов применения судами норм материального и процессуального права по делам данной категории (ст. 198 ГПК РФ, п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 г. Москва «О судебном решении»). В отсутствие устойчивой судебной практики, позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ (Пленума и Президиума) об обращении за взысканием на единственное жилье гражданина-должника, которое является явно роскошным или приобретено сомнительным путем, представляются чрезвычайно важными и должны учитываться судами [8,9].

Так, должник имел в собственности два жилых помещения, а также регистрацию в квартире, принадлежащей супруге и ее матери. После начала банкротной процедуры взыскания долга по кредитному договору гражданин через цепочку сделок передал одну из квартир супруге, а вторую продал третьим лицам. Большая часть средств от реализации второй квартиры была получена супругой, и лишь часть гражданин использовал для погашения ипотеки. Впоследствии должник признан банкротом.

Финансовый управляющий должника попытался оспорить цепочку сделок по реализации первой квартиры в пользу супруги, как причиняющей вред кредиторам, поскольку в итоге их совершения в собственности должника оказалась бы единственная квартира, и на нее будет невозможно обратиться за взысканием. Суд первой инстанции согласился с его доводами. Вышестоящие суды не нашли оснований для удовлетворения заявления управляющего о недействительности цепочки сделок. Напротив, Верховный Суд РФ квалифицировал действия должника как злонамеренные и направленные на создание объекта, защищенного от взыскания (Определение Верховного Суда РФ от 30.08.2021 по делу № А56-7844/2017) [14]. Такое поведение должника влечет отказ в применении к квартире исполнительского иммунитета. Судебный акт первой инстанции был оставлен в силе.

В другом рассмотренном Верховным Судом РФ деле Балыков В.И. обратился в суд с заявлением об исключении загородного дома (площадью 366,4 кв. метра) из конкурсной массы по основанию распространения на него исполнительского иммунитета [12]. Суды первой и апелляционной инстанции отказали гражданину, усмотрев злоупотребление правом в том, что снятие с регистрационного учета в квартире матери и регистрация в загородном доме произошло спустя непродолжительное время после признания гражданина банкротом. Суд кассационной инстанции отменил судебные акты, указав на отсутствия законодательного регулирования и преждевременность выводов судов о злоупотреблении.

Верховный Суд РФ отменил судебные акты и дал целый ряд разъяснений, касающихся продажи единственного жилья гражданина-банкрота, по сути расширяющих условия для продажи единственного жилья:

- обращение взыскания на единственное находящееся в собственности жилье возможно даже, если гражданин имеет право пользования иным жилым помещением (например, зарегистрирован в квартире родственника);
- предоставление замещающего жилья возможно и при отсутствии признаков злоупотребления правом со стороны должника;
- помимо возможности кредитора приобрести замещающее жилье, не исключается возможность приобретения жилья финансовым управляющим за счет выручки от продажи имущества должника;
- решение о предоставлении замещающего жилья рекомендуется принимать на собрании кредиторов, потом данное решение подлежит утверждению судом;
- при оценке целесообразности предоставления замещающего жилья необходимо сопоставлять возможные доходы от его реализации с затратами на приобретение нового жилья;
- должна допускаться возможность прекращения торгов вследствие изменения рыночной конъюнктуры (резкого снижения стоимости жилья) и экономической нецелесообразности продажи жилья;
- право собственности должника на имеющееся у него жилое помещение должно прекращаться не ранее возникновения права собственности на замещающее жилье;
- если есть объективные основания полагать, что требования кредиторов могут быть погашены иными солидарными должниками, реализация единственного жилья допускается только после установления невозможности третьего лица погасить задолженность перед кредиторами.

Особенно важной представляется позиция Верховного Суда РФ, высказанная в данном деле, относительно необходимости максимально аккуратно судам подходить к квалификации действий должника по определению места проживания, в качестве злоупотребления правом. В частности, в деле Балыкова В.И. суды первой и апелляционной инстанций в нарушение требований статьи 71 АПК РФ не оценили надлежащим образом его возражения и представленные им доказательства. По материалам дела

видно, что Балыков В.И. ссылаясь на то, что сведения о регистрационном учете не отражали реально сложившееся положение дел по поводу его места жительства. В действительности, как указывал Балыков В.И., он задолго до возбуждения дела о банкротстве стал проживать в доме, самостоятельно достраивал его, выполнял отделочные работы, предпринимал меры, направленные на технологическое присоединение дома к электрическим сетям, на регистрацию его как объекта недвижимости, однако в связи с непредставлением необходимых документов регистрирующий орган отказал Балыкову В.И. в проведении регистрационных действий» [12].

В другом деле, гражданин-банкрот и его бывшая супруга оспорили решения собрания кредиторов по вопросам, связанным с включением в конкурсную массу жилого дома и земельного участка и предоставлением должнику взамен этой недвижимости квартиры. Суд первой инстанции в удовлетворении заявления отказал, а апелляционный суд удовлетворил часть требований, сославшись на позицию Конституционного Суда РФ об отсутствии у кредиторов права решать вопросы замещения жилья до внесения соответствующих изменений в законодательство. Кроме того, вторая инстанция учла, что ранее жилой дом уже был исключен судом из конкурсной массы должника как единственное жилье. Однако, суд округа поддержал первую инстанцию, сослался на «свежее» постановление Конституционного Суда от 26.04.2021 №15-П и сделал несколько важных выводов.

По мнению кассационной инстанции, само по себе предварительное обсуждение данного вопроса на собрании кредиторов никак не нарушает ни прав должника и его бывшей супруги, ни закон. Более того, это дает им возможность принять участие в обсуждении и высказать свое мнение. А ранее состоявшееся исключение дома из конкурсной массы гражданина не только не препятствует кредиторам обсуждать вопрос замещения «роскошного жилья», но напротив влечет необходимость такого обсуждения [13].

Получается, что при наличии оснований кредиторам надлежит как можно раньше начать обсуждать с должником и рассматривать на собрании кредиторов вопросы замены «роскошного» жилья, механизма его приобретения и компенсации соответствующим лицам понесенных ими расходов. Это позволит ускорить удовлетворение требований кредиторов и предотвратить злоупотребления должника, направленные на придание жилью статуса единственного и его обременение правами третьих лиц с позиции жилищного и семейного законодательства.

В деле Аркадия Поторочина, рассмотренном Арбитражным судом Свердловской области и апелляционным судом, суды разрешили продать «роскошное» жилье банкрота площадью 147,3 кв. м. Несмотря на все попытки должника (в 2019 г. и в 2020 г.) защитить квартиру от кредиторов, так как она является единственным жильем, суды его обращение не

удовлетворили. Верховный суд РФ также отказал в рассмотрении жалобы Аркадия Поторочина на решения нижестоящих судов [18].

Как уточняется в документах суда, кредиторы Аркадия Поторочина приняли решение о переселении должника в более скромное жилье площадью 31,7 кв. м. Между одним из кредиторов и финансовым управляющим был заключен договор купли-продажи, предметом которого стала квартира площадью 31,7 кв. м. Стоимость «замещающей» недвижимости, как следует из документов суда, составила 2,3 млн руб.

Суды, руководствуясь Постановлением Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П разрешили включить квартиру должника в конкурсную массу, исходя из того, что банкрот на момент разбирательства был холост и не имел иждивенцев. Кроме этого, суды указали, что предоставленная для переселения «однушка» соответствует нормативам жилья на одного человека, установленным в Екатеринбурге. В итоге квартира Поторочина была выставлена на торги за 9,1 млн рублей и в июне 2021-го продана за 8,25 млн руб. (кредиторы по факту вернули 6 млн. из 21.6 млн.).

В деле Поторочина такая же точно конструкция осуществления судом выбора одного из двух жилых помещений, принадлежащих должнику, (рассмотренная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48), но созданная искусственно. Кредиторы покупают должнику второе жилье, а суд делает выбор, естественно, в пользу более дорогостоящего актива. Запрета на это нет ни в одном из постановлений Конституционного Суда РФ или Верховного Суда РФ.

Отказаться от замещающего жилья, которое передают кредиторы, сам должник не может. Это может сделать только его финансовый управляющий. Так как последний не принимает участия в принятии решений собранием кредиторов, он может только по итогу согласиться или не согласиться с их решением. В случае несогласия финансовый управляющий, согласно регламенту, обязан оспаривать решение кредиторов в суде. Если это удастся сделать, тогда кредиторы не смогут передать должнику еще одно жилье.

Надлежит констатировать, что Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П, призвано обеспечить необходимый баланс конституционно значимых ценностей для взыскателя в части реального обеспечения права на исполнение требований исполнительных документов и должника в отношении сохранения им права на жилище. Сформированный Конституционным Судом РФ подход в данном Постановлении относительно обращения взыскания на единственное жилье должника-гражданина повышает гарантии кредиторов (взыскателей) на получение удовлетворения своих требований к физическим лицам. Они могут договориться с должником о замене единственного жилья на менее дорогостоящее, а в случае недостижения такого согласия оспорить исключение такого жилья из конкурсной массы. Должникам-гражданам, в том числе выступающим поручителями и залогодателями по обязатель-

ствам других лиц, надлежит учитывать повышение рисков ответственности перед кредиторами (взыскателями) за счет единственного жилья. Они могут лишиться единственного жилья, получив взамен гораздо более скромное по площади и расположению помещение.

В целом правовые позиции Конституционного Суда РФ, высказанные по обращению взыскания на единственное жилье, не исключают реализацию принципа неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, а, напротив, обеспечивают качественное его осуществление.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/>

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/

3. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об исполнительном производстве» (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/

4. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абз. 1 и 2 п. 1 ст. 446 ГПК РФ» (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/-cons_doc_LAW_-46551/

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абз. 3 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ в связи с жалобами граждан В.В. Безменова, и Н.В. Калабуна». (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69807/

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П "По делу о проверке конституционности положения абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова" // РГ. 2012. 30 мая.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 ст. 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382961/

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 г. Москва «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // РГ. 2019. 9 янв.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/

10. Определение Верховного Суда РФ № 309-ЭС20-10004 от 29.10.2020 по делу № А71-16753/2017 (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegiia-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-29102020-n-309-es20-10004-po-delu-n-a71-167532017/>

11. Определение Верховного Суда РФ № 309-ЭС20-15448 от 28.01.2021 по делу № А50-34786/2017 (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.v2b.ru/documents/mopredelenie-sudebnoy-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verhovnogo/>

12. Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2021 № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019 (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/68a6165c-b3bc-4752-8b86-f82e632070b7/f59a1ec9-7988-4c8b-95aa-3ca3c936553c/A73-12816-2019_20210726_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.06.2021 № Ф09-9682/19 по делу № А60-14265/2017 (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fdbfd66d-f4cb-40e3-b439-f584ae690476/-aef1c2a8-3397-47bc-a278-fb7fd2dcfc3a/A60-14265-2017_20210608_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

14. Определение Верховного Суда РФ от 30.08.2021 по делу № А56-7844/2017 (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/536d7c86-5a8b-4f28-ad87-89efa24d0d8b/6488cb2b-0e47-4aba-a8e9-d88777d54e-60/A56-7844-2017_20210830_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

15. ВС РФ запретил переселять банкротов в более скромное жилье 5 ноября 2020 (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/735627>

16. Гукасян Р. Е. Общие вопросы исполнения судебных постановлений // Курс советского гражданского процессуального права: В 2 т. / Под ред. А. А. Мельникова. М., 1981. Т. 2. С. 320–323;

17. Афоризмы про правосудие (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://aphorismos.ru/justice/3.php>

18. На роскошное жилье должников открыли охоту. В России создан прецедент по выселению должника из единственного жилья, признанного роскошным 2 июля 2021 г. (обращение 18 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://xn--c1abv1.xn--p1ai/news/bankrotstvo_grazhdan/na_roskoshnoe_zhile_dolzhnikov_otkryli_okhotu/

Об авторе:

ФЕДИНА Анжелика Сергеевна - кандидат юридических наук, доцент, кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), 89106478984, e-mail: as.fedina@mail.ru

О ПРАВЕ НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЛИЯНИИ РЕЛИГИИ НА ИСПРАВЛЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

В.В. Харитошкин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация: Статья посвящена особенностям воспитательного процесса посредством нравственно-религиозного воздействия на осужденных.

Ключевые слова: свобода совести, духовно-нравственное воспитание, исправительный процесс, ресоциализация осужденных.

После развала СССР и отмены идеологической составляющей того, что ранее называлось политико-воспитательной работой среди осужденных, перед администрацией исправительных учреждений остро встал вопрос изменения форм воспитательного процесса. В поисках новых средств противодействия преступности, опираясь на зарубежный опыт, в российских исправительных учреждениях начиная с 90-х годов все чаще стали применяться методы религиозно-нравственного и культурного воздействия на лиц, отбывающих наказания. Привлечение религиозных организаций к работе с осужденными обусловлено тем, что, являясь носителями антикриминальных взглядов и норм поведения, они распространяют их в обществе и стараются обеспечивать исполнение. Так Библия категорически запрещает убивать, красть и желать чужого, лжесвидетельствовать. Все это относится к смертным грехам. Совокупность аналогичных норм содержится в Коране, Талмуде и других священных книгах. Религия предписывает подчинение светской власти и соблюдение ее законов. Исполнение религиозных норм обеспечивается также осуждением нарушителей общественным мнением верующих и применением церковных наказаний.

Оказавшись в местах лишения свободы, человек в большей степени начинает испытывать потребность в религии. Это обусловлено целым рядом обстоятельств: изоляцией от привычной среды обитания, нахождением в экстремальной, стрессовой ситуации, окружением криминально ориентированных групп людей. Пребывая в таких условиях, человек остро нуждается в психологической помощи для разрешения своих внутренних проблем и противоречий [5]. Это чаще всего и обращает его к вере.

Большинство работников уголовно-исполнительной системы, в целом, положительно оценивают влияние религиозных конфессий на осужденных. Об этом свидетельствует уменьшение межличностной и межнациональной напряженности в отрядах, изменение в положительную сторону нравственных ориентиров осужденных, появление стремления как можно больше знать о событиях в стране и за рубежом, понять смысл жизни и происходящего вокруг.

С началом посещения представителями религиозных конфессий пенитенциарных учреждений и проведение комплекса мер по взаимодействию

подразделений уголовно-исполнительной системы с религиозными конфессиями в исправительных учреждениях стало снижаться количество преступлений и нарушений режима содержания. Как результат, возросло число лиц, условно-досрочно освобожденных. Примечательно, что по информации НИИ ФСИН России за последние годы священнослужители посещали места лишения свободы в несколько раз чаще, чем общественные и правозащитные организации, вместе взятые [4].

Проведенные исследования показывают, что общение со священнослужителями, их проповеди, обряды, знакомство с религиозной литературой, получение материальной помощи положительно воздействуют на осужденных, их нравственное здоровье и поведение. Многие становятся на путь исправления, сами принимают участие в актах благотворительности, стремятся и к "избавлению от грехов" путем честного труда и законопослушания [2].

Право осужденных на свободу совести и вероисповедания осуществляется исключительно на добровольной основе и с учетом специфики вида режима учреждений, исполняющих наказание. Религиозные обряды совершаются в специально отведенное расписанием для этого время и на основании договоров, заключенных между местными епархиями и управлениями по исполнению наказаний. Свобода исповедовать религию подлежит лишь ограничениям, которые установлены законом и необходимы для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

Право осужденных на свободу совести принадлежит каждому из них, однако, его реализация не должна нарушать права других лиц. Никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии [6].

Например, не допустимо проводить массовое религиозное мероприятие в местах демонстрации кинофильмов, если имеются возражения других осужденных. Отправление религиозных обрядов не должно нарушать и правил внутреннего распорядка. Поэтому обряды не могут проводиться в рабочее время, не должны нарушать нормальную работу школ, профтехучилищ и т.п.

Не следует включать в распорядок дня в качестве обязательных мероприятий участие в отправлении различного рода религиозных служб, чтений, занятий и других мероприятий религиозного характера. В распорядке дня должно быть отведено определенное время на проведение таких мероприятий, при этом целесообразно не совмещать его по времени с проведением иных массовых мероприятий. Отправление религиозных обрядов дело сугубо личное и какое-либо принуждение со стороны администрации учреждения в этих вопросах просто не допустимо.

Наиболее сложным в создании организационных условий для обеспечения совершения осужденными религиозных обрядов является выделение времени для тех из них, которые предусмотрены не в воскресные дни (к примеру, для мусульман - это пятница, адвентистов седьмого дня - суббота). В таких случаях администрациям учреждения рекомендуется, при наличии возможности, освобождать верующих, осужденных в эти дни от трудовой деятельности с последующей отработкой.

Осужденные к ограничению свободы могут посещать места богослужения, расположенные на территории исправительного центра. Если же таковых нет, то осужденным к ограничению свободы может быть выдано разрешение на посещение мест богослужения, расположенных за пределами исполнительного центра. По смыслу ч.9 ст.50 УИК РФ такой выезд может быть разрешен в пределах территории Российской Федерации, на которой находится исправительный центр.

Разрешение на посещение культовых учреждений лицами, отбывающими наказание в колониях - поселениях выдается по их просьбе. Такой порядок установлен потому, что культовые учреждения, как правило, расположены за пределами границ колоний - поселений. Поэтому их посещение без разрешения рассматривалось бы как нарушение режима содержания. С другой стороны, правовой режим лица, отбывающего наказание, не позволяет ему выезжать в местности, находящиеся за пределами административного района дислокации колонии - поселения. Поэтому закон установил, что разрешение на посещение культовых учреждений может быть дано лишь в том случае, если учреждение находится в данном административном районе.

Воспитательное значение разрешения на посещение культовых центров, находящихся за пределами исправительных учреждений, лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, состоит в том, что оно может быть получено ими в зависимости от их поведения. Тем самым данное разрешение является результатом реализации законного интереса осужденного, оформленного в виде заявления, удовлетворение которого возможно по постановлению начальника исправительного учреждения. Существенным условием получения разрешения является отсутствие у осужденного нарушений требований внутреннего распорядка.

При отказе в удовлетворении просьбы на посещение мест богослужения, расположенных за пределами исправительных учреждений, проведение обрядов может быть осуществлено в данном учреждении при наличии необходимых материальных, организационных и иных условий и в установленном законом порядке в этом случае осужденные могут воспользоваться правом, которое предоставлено лицам, отбывающим наказание в учреждениях других видов. Речь идет о приглашении к осужденным по их просьбе для проведения обрядов священнослужителей с из расположенных по близости церквей, мечетей, синагог, молельных домов, костелов и т.п.

Осужденные самостоятельно или вместе со служителями культов могут отправлять религиозные обряды и участвовать в них. Им также предоставлено право получать в посылках или передачах, приобретать, иметь при себе и пользоваться религиозной литературой, предметами религиозного культа индивидуального пользования (нательные крестики, библии и др.), кроме изделий религиозного культа, выполненных в виде колюще-режущих предметов, а также изделий культа из драгоценных металлов, камней, либо представляющих собой культурную или историческую ценность.

Администрация исправительных учреждений обязана обеспечить реализацию данного права осужденных. При этом, услуги служителей религиозных культов, если они не являются благотворительными, оплачиваются из средств самих осужденных, находящихся на их лицевых счетах. Служители культа могут посещать учреждения, исполняющие наказание, и следственные изоляторы не только по просьбе осужденных, но и по собственной инициативе. Однако, религиозные обряды могут совершаться лишь с согласия осужденных. Как правило, в таких обрядах участвуют небольшие группы осужденных по их желанию, а администрация исправительного учреждения должна предоставить для совершения того или иного культового обряда соответствующее помещение (церковь, часовню, молельную комнату и т.п.).

В то же время, администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, следует проявлять бдительность и воздерживаться от приглашения представителей не зарегистрированных в установленном порядке религиозных объединений и различного рода сект, проповедующих экстремизм, насилие, отказ от семьи и других социальных ценностей, как религиозных течений способных привести к нарушениям Правил внутреннего распорядка, прав и законных интересов других лиц [3]. Данный вопрос необходимо решать через Министерство юстиции и его организационные структуры на местах, которые осуществляют регистрацию подобного рода организаций и имеют возможность детально ознакомиться с содержанием и целями их учений. Перекалывать в таких ситуациях ответственность на администрацию исправительных учреждений представляется было бы опрометчиво, поскольку на сегодняшний день она не имеет реальной возможности квалифицированно разбираться в особенностях тех или иных религиозных учений. Вопрос о необходимости овладения сотрудниками исправительных учреждений соответствующим минимумом знаний в области истории религии и взаимодействия религиозных конфессий с государственными органами давно назрел. В этой связи введение в образовательные программы соответствующих учебных заведений специальных курсов по основам богословия, особенностям вероучений различных религиозных конфессий и их взаимодействию с государственными и, прежде всего, правоохранительными органами является вполне оправданным.

В том случае, если конкретная религиозная организация официально зарегистрирована в органах юстиции, а в исправительном учреждении имеются осужденные, желающие отправления обрядов именно данной организацией, администрация обязана допустить ее представителей к осужденным в установленном законом порядке.

Действующее законодательство также допускает возможность посещения служителями культа и нарушителей, установленного режима отбывания наказания, содержащихся в штрафных и дисциплинарных изоляторах, а также помещениях камерного типа. Проведение индивидуальных бесед, увещаний и наставлений лиц, подвергнутых дисциплинарным взысканиям в ряде случаев, имеет положительный эффект. Учитывая, однако, что среди данной категории осужденных нередко встречаются лица с агрессивным поведением, легко возбудимые, с неуравновешенной психикой, священнослужители могут быть допущены администрацией исправительных учреждений в эти помещения только тогда, если исключена угроза их личной безопасности. Отправление религиозных обрядов при этом проводится с соблюдением условий, позволяющих сотруднику учреждения контролировать ситуацию, в том числе и с использованием технических средств: визуально наблюдать служителя религиозного культа и осужденного, но не слышать их. Священнослужители при этом могут приходить к осужденному с необходимыми для отправления соответствующих обрядов предметами культа, отвечающими, с точки зрения безопасности, требованиям Правил внутреннего распорядка ИТУ.

Представители религиозных конфессий также принимают участие в благотворительной и попечительской деятельности, активно участвуют в работе Общественных советов. Во многих исправительных учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, созданы и действуют воскресные школы, библейские курсы и иные формы обучения осужденных религиозным предписаниям, нормам вероучений и культовой практике. На занятиях в воскресных школах не только изучается Закон Божий, но и осуществляется показ видеофильмов на библейские темы, проходят концерты духовной музыки. По местному радио звучат проповеди, поздравления с церковными праздниками, рассказы о христианской жизни. Посредством религиозного воздействия у осужденных формируются основы мировоззрения, культура межнационального общения, умение объективно оценивать свои собственные поступки [1].

Безусловно, духовно-нравственное воспитание должно осуществляться не только во время пребывания осужденного в местах лишения свободы, но и в период их так называемой “ресоциализации” после отбывания наказания. Церковь на сегодняшний день вносит существенный вклад в процесс дальнейшей социальной адаптации лиц, отбывших наказание, в гражданское общество. При этом важно не забывать, что и сам бывший осужден-

ный должен быть готов не только вернуться к нормальной жизни, но и в дальнейшем следовать закону, нормам морали и нравственности с тем, чтобы не оказаться изгоем, а обеспечить себе достойное существование в обществе.

Список литературы

1. Ижбулатова А.А. Влияние религиозного воспитания на личность осужденного. // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России. 2017, С.74.
2. Кулакова Н.Г. Косинова И.С. Правовое регулирование воспитательного воздействия на осужденных в исправительных учреждениях. // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж. Научная книга. 2018, С.370-371
3. Михеев И.А., Сннгигирев Е.А. К вопросу о распространении радикальных экстремистских исламских течений в местах лишения свободы. // Уголовно-исполнительная система России: проблемы и перспективы: материалы Международной научной конференции. - Самара: Самарский юридический институт ФСИН России. 2015, С.176-177.
4. Морозов А.С. Правовое и религиозное поведение в пенитенциарной сфере: теоретический аспект. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018, С.79
5. Тарасова С.А. Пенитенциарная психология: учебное пособие. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016, С.64.
6. Уголовно-исполнительное право /под. ред. С.М. Иншакова, А.П. Скибы, Н.Д. Эриашвили. М.ЮНИТИ-ДАНА, 2020, С.66-67.

Об авторе:

ХАРИТОШКИН Валерий Вячеславович – профессор, зав. кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33). e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

РОЛЬ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

О.И. Юстус

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация: Статья посвящена исследованию содержания института социального казначейства; анализируются документы стратегического планирования, определяющие меры цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, а также нормативно-правовые акты, регулирующие указанные процессы; описываются предположительные риски цифровизации социальной сферы и централизации оказания мер государственной (муниципальной) поддержки.

Ключевые слова: социальное казначейство; цифровизация социальной сферы; реализация прав и законных интересов граждан; меры государственной (муниципальной) поддержки.

Одной из приоритетных задач развития Российской Федерации, имеющих обновленную конституционную основу [1], является функционирование социального государства.

В этой связи мысль о том, что «конституционно закреплённая ценность «человек, его права и свободы» – безусловный, ключевой ориентир в «проективном будущем», в эволюции функционирующих сегодня правовой, политической, экономической, культурной и т.д. систем» [14, с.3] представляется чрезвычайно значимой.

Особая роль в системе правового обеспечения формирования и развития социального государства принадлежит финансово-правовому регулированию.

Становление финансово-правового института расходов на социально страхование и социальное обеспечение можно наблюдать еще в советском финансовом праве [15, с.364–368].

В последствии, уже в период российской государственности, принцип социальной направленности финансово-правового регулирования был закреплён в качестве одного из важнейших принципов финансового права. По верному замечанию Н.И. Химичевой, социальная направленность финансовой деятельности вытекает из конституционной характеристики Российской Федерации как социального государства, в связи с чем последнему требуется сосредоточение необходимых финансовых ресурсов, распределяемых на соответствующие цели. Указанные положения должны учитываться при формировании и исполнении бюджетов всех уровней, внебюджетных фондов, в финансово-правовых нормах, характеризующих эти процессы, в финансовой политике государства [16, с.79].

Дальнейшее развитие принципа социальной направленности финансово-правового регулирования было связано с обоснованием таких выраженных в нормах финансового права сущностных характеристиках социального государства, как: социальная справедливость; социально-ориентированная экономика; социально-экономическое равноправие индивидов, социальных, национальных и иных общностей; социальная ответственность; социальная солидарность, включая социальное партнерство; социальная безопасность. При этом, как справедливо указывает Е.Г. Беликов, реализации конституци-

онных прав и социальных гарантий граждан, их объединений не противоречит, а наоборот, содействует, принцип приоритета публичных интересов в правовом регулировании финансовых отношений [13, с.13–14, 32].

Данные выводы особенно наглядно подтверждаются институтом социального казначейства, активное формируемым в настоящий период в российской правовой системе.

Как представляется, в самом общем виде дефиниция «социальное казначейство» может быть определена как централизованная и/или децентрализованная система управления бюджетными расходами по осуществлению мер социальной защиты (поддержки), иным социальным гарантиям и выплатам, а также оказанию социальных услуг.

Институт социального казначейства характерен не только для Российской Федерации, но и для ряда зарубежных государств, в частности Республики Беларусь, Грузии, Австралии, Турции, Индонезии и иных. Вместе с тем специфика построения и функционирования бюджетной системы РФ, а также осуществления финансовой политики в Российской Федерации, уровень цифровизации процессов управления и общества в целом привнесли особенности построения российской системы социального казначейства.

Задачи обеспечения социальных прав граждан традиционно обозначались в качестве приоритетных в документах стратегического планирования Российской Федерации. Конкретные правовые механизмы достижения указанных задач закреплялись соответствующими правовыми актами, в частности такими, как Федеральный закон от 01.04.1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» [2], Федеральный закон от 16.07.1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» [3], Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [5] и другими.

Чрезвычайную актуальность задачи обеспечения социальных прав граждан приобрели в условиях распространения новой короновирусной инфекции, что во многом послужило стимулом к изменению способа и формы достижения баланса финансово-правовых интересов в обществе.

Так, в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 21.04.2021 г. были сформулированы основные направления совершенствования института социального казначейства, в соответствии с чем Президентом была поставлена задача оформления и выплаты всех федеральных пособий, пенсий, других социальных надбавок, услуг в режиме «одного окна» с предоставлением в ближайшей перспективе абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг гражданам России дистанционно и на постоянной основе (в режиме 24/7) [6].

Поставленную задачу предполагается решить путем цифровой и функциональной трансформации социальной сферы. Одним из важнейших документов стратегического планирования, регламентирующим направления такой трансформации, а также предусматривающим конкретные мероприятия по достижению сформулированных целей, является Концепция

цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года (далее – концепция), утвержденная распоряжением Правительства РФ от 20.02.2021 г. № 431-р [9].

В настоящий период Российская Федерация несет значительные бюджетные затраты по реализации различного рода социальных проектов, предоставлению мер социальной защиты (поддержки), оказанию социальных услуг, иным социальным гарантиям и выплатам. Например, как отмечается в концепции, на начало 2021 г. на территории РФ было установлено 387 видов различных мер социальной поддержки федерального (44 вида мер), регионального и муниципального уровней (343 вида мер) и более 20 тыс. мер социальной поддержки, включая пенсии, доплаты к пенсии, страховые выплаты по обязательному социальному страхованию, социальные пособия, компенсации, субсидии, льготы, социальную помощь в натуральной форме, социальные услуги [9].

Как следует из концепции, основными целями принятия указанного акта являются такие как: повышение адресности и эффективности предоставления мер социальной поддержки гражданам, сопряженное с повышением эффективности использования бюджетных средств всех уровней бюджетной системы РФ; оптимизация предоставления соответствующей части государственных услуг, влекущая совершенствование взаимодействия с гражданами, снижение административной нагрузки на страхователей, а также сокращение бюджетных расходов и иные цели.

Согласно концепции чрезвычайно значимой является адаптация социальной сферы к новым цифровым реалиям с учетом доступных возможностей передовых технологических решений (искусственного интеллекта, больших баз данных, биометрии и др.), в результате чего в пределах планового периода 2025 г. предполагается обеспечить получение социальных государственных и муниципальных услуг на следующих условиях: удаленно (посредством единого портала), в автоматическом режиме (без участия должностных лиц), проактивно и комплексно (исходя из конкретных жизненных ситуаций), персонализированно (с учетом фактической нуждаемости гражданина), омниканально («бесшовно» для различных систем) и экстерриториально.

Как представляется, реализация анализируемой концепции в полном объеме является чрезвычайно значимым событием с точки зрения защиты прав и законных интересов граждан.

Что касается существующего правового регулирования элементов института социального казначейства, прежде всего необходимо указать на закрепленный правовой статус единой государственной информационной системы социального обеспечения, представляющей собою федеральную государственную информационную систему, созданную в целях обеспечения граждан, субъектов публичной власти, иных субъектов информацией о мерах социального обеспечения, реализуемых за счет средств бюджетов, а также в целях автоматизации процессов назначения и предоставления данных мер социальной защиты (поддержки).

Правовое регулирование указанной информационной системы, а также требования, предъявляемые к ней, устанавливаются Федеральным законом от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [4] и постановлением Правительства РФ от 16.08.2021 г. № 1342 «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения» [8]. В качестве важнейшей задачи ГГИС СО п. 11 указанного постановления определяется информирование граждан об основаниях, условиях, способах, формах и фактах предоставления мер социальной защиты (поддержки), которое будет осуществляться в электронной форме посредством использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». В свою очередь уполномоченным органам данная система позволит осуществлять контроль за обоснованностью расходования бюджетных средств.

Примечательно, что одним из основных условий эффективного функционирования ГГИС СО законодательство предусматривает информационное взаимодействие указанной информационной системы с другими государственными и региональными информационными системами, которое предполагается осуществлять при неукоснительном соблюдении принципов обеспечения полноты и достоверности информации, предоставляемой и получаемой в рамках информационного взаимодействия (п. 19–20 постановления Правительства РФ от 16.08.2021 г. № 1342).

Положительные примеры такого межведомственного электронного взаимодействия получают все большее распространение.

Так, Министерством финансов Российской Федерации в середине 2021 г. был разработан проект федерального закона «О внесении изменения в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации». Основной задачей предполагаемых изменений является реализация прав граждан на получение мер социальной поддержки в автоматическом режиме. Указанное достигается следующим образом: при снижении уровня дохода гражданина налоговые органы передают по нему информацию в Единую государственную информационную систему социального обеспечения, в которой информация дополняется сведениями о получаемых пособиях и пенсиях, рассчитывается среднедушевой доход и определяется степень нуждаемости для принятия решения об оказании дальнейшей поддержки гражданина [10].

Как показывает практика конституционного контроля [17], целесообразность подобного рода процедур в эпоху цифровизации управленческих процессов и нацеленности государства на внедрение принципов социального казначейства является очевидной.

Вместе с тем, как свидетельствует зарубежный опыт, наличие значительного количества систем государственного, регионального и местного уровня зачастую затрудняет функционирование системы социального казначейства. Возможно предположить, что указанная проблема может быть характерна и для Российской Федерации, прежде всего исходя из многообразия административно-территориальных единиц, функционирующих на ее территории.

Например, согласно постановлению Правительства РФ от 11.06.2021 г. № 901 «Об утверждении Правил функционирования государственной информационной системы обязательного медицинского страхования и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [7] указанная система, включающая в себя единый портал обязательного медицинского страхования в РФ, выполняет ряд важнейших социально значимых функций, в том числе ведение персонифицированного учета сведений о застрахованных лицах и о медицинской помощи, им оказанной. Данная система будет осуществлять информационное взаимодействие с другими информационными системами, такими как «Электронный бюджет», ЕСИА, региональными информационными системами. Безусловно, все указанное должно обеспечить открытость для граждан и организаций информации об обязательном медицинском страховании, а также повысить качество и доступность медицинской помощи, оказываемой в рамках ОМС.

Однако при этом ряд вопросов межведомственного взаимодействия оказывается не разрешенным, в частности: какими нормативно-правовыми актами, актами технического регулирования будут обеспечены механизмы взаимодействия двух взаимосвязанных информационных систем, подвергнутых анализу в рамках настоящей статьи; кто из должностных лиц заинтересованных ведомств будет нести ответственность за надлежащую реализацию принципов полноты и достоверности информации, предоставляемой и получаемой в рамках информационного взаимодействия; каким образом будут преодолеваются технические ошибки, возможность возникновения которых не исключена при применении технологий искусственного интеллекта и др.?

Кроме того, даже при безупречном информационном взаимодействии систем по-прежнему существуют проблемы, связанные с недостаточной правовой определенностью законодательства в сфере обязательного социального страхования и социального обеспечения, на что указывает соответствующая судебная практика [11]. При этом необходимо учитывать, что на сегодняшний день права и интересы граждан в спорных ситуациях фактически защищаются их работодателями-страхователями [12]. Однако, как представляется, прямое взаимодействие граждан со страховщиками лишь увеличит количество спорных ситуаций. В этой связи полагаем целесообразным разработать правовой механизм досудебного урегулирования споров в социальной сфере, например, по аналогии с правовым механизмом финансового уполномоченного.

Таким образом, безусловно положительная идея создания социального казначейства требует дальнейшей детальной проработки, взвешенных шагов по ее реализации и соответствующего правового оформления. Только при этих условиях права и законные интересы граждан в социальной сфере могут быть гарантированы надлежащим образом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.07.2021).
2. Федеральный закон от 01.04.1996 г. № 27-ФЗ (последняя редакция) «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2021).

3. Федеральный закон от 16.07.1999 г. № 165-ФЗ (последняя редакция) «Об основах обязательного социального страхования» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2021).
4. Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г.) «О государственной социальной помощи» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2021).
5. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ (последняя редакция) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2021).
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2021).
7. Постановление Правительства РФ от 11.06.2021 г. № 901 «Об утверждении Правил функционирования государственной информационной системы обязательного медицинского страхования и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2021).
8. Постановление Правительства РФ от 16.08.2021 г. № 1342 «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2021).
9. Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 г. № 431-р (ред. от 07.06.2021 г.) «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2021).
10. Пояснительная записка к Проект федерального закона «О внесении изменения в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#search=статья%20102%20НК%20РФ%-20&пра=116930> (дата обращения 08.07.2021).
11. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.06.2020 г. // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 11.
12. Определение Верховного Суда РФ от 12.03.2020 г. № 307-ЭС20-1218 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b24ed775-efb9-4205-a2dd-cdf4b440f427/88d1e99d-e00b-473b-8ea9-a38e2f63dbbb/A66-3069-2019_20200312_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 28.08.2021).
13. Беликов Е.Г. Проблемы финансово-правового обеспечения развития Российской Федерации как социального государства: автореф. дис... докт. юрид. наук. Саратов, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/08-09-2016-1r.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).
14. Комаров В.В. Конституционные ценности в современной экономике (некоторые аспекты воздействия конституционной реформы 2020 г.) // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференции: в 5 ч. Ч. 2. – М., 2021. – 408 с.
15. Советское финансовое право: Учебник. М., 1987. 464 с.
16. Финансовое право: Учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. М., 1999. 600 с.
17. Юстус О.И. Некоторые проблемы ответственности граждан как субъектов, использующих бюджетные средства // Вестн. ТвГУ. Сер. «Право». 2021. № 2 (66). С. 86 – 93.

Об авторе:

ЮСТУС Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-3112-3112, SPIN-код 6648-986, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

Научное издание

ЗАЩИТА ПРАВ И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

*факультетские Научные чтения
им. профессора Р.Е. Гукасяна*

Выпуск 2

Отпечатано с авторских оригиналов

Подписано в печать 07.12.2021. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 11,39. Тираж 100. Заказ № 434.

Издательство Тверского государственного университета.

Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер., 12, корпус Б.

Тел. (4822) 35-60-63.